

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав СИЗОВ

МЫ ИЗ БРЕСТА

Рейд выживших

Военно-историческая фантастика

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Рейд выживших

«Махров»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сизов В. Н.

Мы из Бреста. Рейд выживших / В. Н. Сизов — «Махров»,
2015 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-699-83892-9

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Мы из Бреста»! 22 июня 1941 года наш современник принимает бой в Брестской крепости, чтобы спасти ее «БЕССМЕРТНЫЙ ГАРНИЗОН», прорваться из окружения и открыть новый фронт в глубоком тылу противника. Слушай боевой приказ: Разгромить секретный разведцентр абвера и захватить на базе «функабверкоманды» шифровальную машину «Энигма». С помощью освобожденных советских пленных истреблять охранные и тыловые части Вермахта, вспомогательные полицейские батальоны украинских нацистов и айнзацкоманды карателей. Овладеть вражеским аэродромом, уничтожив летный состав 51-й истребительной эскадры Люфтваффе. Атаковать немецкие штабы, ликвидировать командующего 3-й Танковой Группой генерала Гота и взять в плен командующего 2-й ТГ Гудериана. Изменить ход войны и предотвратить катастрофу 1941 года!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83892-9

© Сизов В. Н., 2015
© Махров, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	48
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Если есть силы бежать, то кто поверит, что нет сил сражаться?!

Несколько человек в маскировочных костюмах советского образца быстро и почти бесшумно двигались по предрассветному лесу. Иногда, повинувшись команде, они на несколько минут замирали, настороженно прислушивались к лесным звукам, а потом снова продолжали движение. Выйдя к поляне с одиноко стоящим раскидистым дубом, группа распалась. Несколько бойцов заняли позиции среди деревьев, а остальные принялись в бинокль изучать округу. Удостоверившись, что все тихо, один из них бегом достиг дуба и, засунув руку в дупло, что-то в нем поискал, а затем вернулся к остальным. На немой вопрос старшего он показал испачканные в «тавоте» пальцы и отрицательно покачал головой. После этого группа вновь растаяла в глубине леса.

Глава 1

Лесной лагерь

День набирал свою силу. Все больше бойцов просыпалось, осматривалось по сторонам, ища знакомых и своих командиров. Они собирались в небольшие группы, вели неспешный разговор, ели. Все чаще раздавался тихий смех. Люди, несмотря на усталость прошедшей ночи, наслаждались погожим днем и относительной тишиной.

А меня вот грызли мысли.

Во-первых, вода. У большинства бойцов она подошла к концу. Несмотря на режим экономии, многие фляжки на ремнях были уже пусты. Последний раз мы набирали в них воду еще в цитадели до выхода на Северный остров. Там пополнить ее запасы было негде, да и некогда. У бойцов моего взвода и части пограничников имелись трофейные термосы, но на то количество, что здесь собралось, это капля в море. А сколько тут сидеть, неизвестно.

Во-вторых, путь отсюда. Еще утром разведка ушла его искать, но пока не вернулась. В том, что они его найдут, я уверен. Ведь пошли не абы кто, а мои егеря.

В-третьих, питание личного состава. Парни все молодые, крепкие, банку «тушенки» за один раз молотят, вот и считай: только на здесь присутствующих вместе с ушедшими в разведку надо шестьдесят одну банку. А еще раненые и мобгруппа. Пока есть небольшой запас консервов, захваченных на складе, а дальше придется перейти на подножный корм (это если склад и схрон в лесу погиб или растащен). Тут выход один: потрошить немецкие склады, гарнизоны и колонны. Ну и у местного населения что-то покупать, благо деньгами запаслись.

В-четвертых, раненые. Те, кто уехал на машинах, и те, кто здесь. Машины увезли двенадцать человек, в том числе трех тяжелых. С ними уехал и военфельдшер из 125-го полка, присоединившийся к нам на Кобринском укреплении. Здесь в группе остались раненые, кто может сам передвигаться, а таких практически половина отряда. У многих раны старые, еще с боев в цитадели, но хватает и тех, кто получил раны в ночной схватке. Вот сейчас Самойлов и обрабатывает их.

В-пятых, мучил вопрос о тех, кто остался прикрывать наш отход из Северных ворот. Во многом отсутствие погони за нами обусловлено их действиями.

Были и другие вопросы – разобрать собранные документы врага, составить донесения и заполнить журналы боевых действий. Да, именно журналы, а не один. Почему так получилось? Да потому, что, кроме моего взвода, были бойцы и других частей. Тех же конвойников, а я как-никак принял над ними командование. Правда, мало их осталось. Всего пять человек из шести десятков, что я возглавил 22 июня. Остальные пали в цитадели и на Кобринском. Главное – Боевое знамя цело, а раз оно живо – то цела и воинская часть. Кроме него, у меня сохранились печать и штампы батальона. Выйдем к своим, сдадим все, батальон пойдет на переформирование и снова будет в бою. Так что самописку в руки и – заполнять бумаги. Видя, что я проснулся и занялся бумагомарательством, ко мне подтянулись командиры групп, вскоре массовая эпидемия бюрократии охватила все командные вершины отряда.

Разведчики вернулись к обеду, когда все «жданки» давно прошли и я собирался отправить очередную группу на поиски выхода. По их сообщению, овраг – это оплывшие и заросшие кустарником старые позиции. Он тянется около километра, затем поворачивает в с. Речица. Прямого выхода из оврага к лесу нет. Вокруг открытое пространство, которое просматривается немецкими наблюдателями с пограничных вышек, укреплений и автомашин. Подходы к лесу контролируются вражескими постами и мобильными патрулями. На глазах разведчиков немцами была обнаружена и пленена группа красноармейцев, пытавшихся через поле прорваться в лес. Несмотря на это, парням удалось найти место, где можно было незаметно просочиться

между постами, – русло практически полностью пересохшего ручья. Немецкие посты расположены в нескольких десятках метров от ручья и до пятидесяти метров друг от друга. Локтевой связи между собой они не имеют. На постах задействовано по пять стрелков во главе с унтер-офицером или ефрейтором. Из средств усиления у них ручные пулеметы. Наблюдение ведут только за полем. Поэтому небольшим группам по два-три человека прорыв в лес по руслу ручья вполне возможен. В лесу, накопив силы, можно ударить по засаде с тыла, обеспечив прорыв остальных. Предложение правильное и очень своевременное. Торчать в овраге для нас смерти подобно. Нахождение здесь шестидесяти человек долго скрывать нереально. Об этом рассказывают банки от тушенки, куски индивидуальных пакетов (пользовались в основном трофейными, наши еще 22 июня закончились) и следы жизнедеятельности – все же живые люди есть, пить, отлить и т. д. хотят. Хотя и оборудовали в стороне отхожее место и по исходу его замаскируем, но все равно на земле следов оставили кучу. Тут и лежки и тропинки, а по ним рассчитать, сколько нас, вполне возможно. Так что ноги в руки – и отсюда поскорее. Нам бы лишь до леса добраться, а он укроет и защитит.

Нищему собираться – только подпоясаться. Вот и нам тоже хватило всего пары минут, чтобы свернуть лагерь, скрыть следы своего пребывания, проверить оружие и следовать за разведкой, которая, показывая дорогу, как всегда, двигалась впереди. За ними основная группа с ранеными. Сзади прикрывал все это арьергард во главе со мной любимым. На всякий случай мои парни по пути поставили несколько «сигналок» и растяжек для преследователей. Глядишь, кто на них и нарвется, если наше пребывание в овраге обнаружат. Об отступлении обратно даже не думал. У нас только одна дорога – все время вперед, в пушу. Пусть даже с боем придется туда пробиваться, но я все же надеялся на лучшее. Нет у немцев столько сил, чтобы блокировать весь лес. Им для этого надо минимум пару свободных полков иметь, а их у них точно нет, все к линии фронта идут. Они там им ой как потребны. Одними танками территорию не удержишь, а взорванные мосты ускорить продвижение войск не позволяют. Потому нам и удалось из крепости выйти без большого боя, что не было у немцев сил для полноценной блокады крепости. Это подтвердили и дозорные, за все время нашей стоянки насчитавшие всего пару машин с пехотой, двигавшихся по дороге на Каменец. Так что шансы у нас есть, и не маленькие. Если разведка нашла один путь, значит, есть еще. Ну а нет, так будет бой, из которого мы постараемся выйти победителями. Что нам десяток человек с парой пулеметов? Так, на один зубок!

Маршрут пролегал по дну оврага среди зарослей кустарника и незаметно для наблюдателей врага. Помогло то, что почти все бойцы были одеты в «лохматки» и на фоне зарослей их было не различить. К месту сбора и очередного прорыва вышли быстро. Тут нас ждал сюрприз. В бинокль было видно, как немецкие подразделения выходили и грузились в подъехавшие грузовики. К чему бы это? Что произошло? Неужели немецкое командование решило, что оно выполнило свою задачу удержания гарнизона в крепости и выловило всех вырвавшихся из нее? Все эти мысли роились в моей голове с быстротой молнии, ища ответ и не находя его. Что бы ни произошло у немцев – нам только на руку. У меня вообще сложилось впечатление, что немцы с нами в поддавки играют. Как еще можно объяснить их действия? Как таковое преследование организовано не было. Войска не прочесывали местность. Для выявления мест дислокации прорвавшихся не использовалась авиация. Она вообще не работала по крепости все эти дни, хотя пролетала над ней постоянно. Странно все это! Ну да для нас же лучше. Где ползком, где на карачках, где короткими перебежками, но мы прорвались через поле, и кусты надежно укрыли нас в подлеске. Дальше был марш к нашему старому и доброму лагерю у реки Лесной.

По пути заодно проверили сохранность склада. Он был цел, хоть и значительно уменьшился в размере. Тот, кто здесь похозяйничал, взял в основном боеприпасы. Интересно, кто это тут без меня мои «захоронки» трогал? Неизвестные действовали аккуратно, стараясь не оставить следов и не раскрыть местонахождение склада. Продовольствие и часть снаряжения

остались на месте. Все, кто знал о месте расположения склада, были со мной в цитадели, остальные в схроне за хутором. Тогда кто? Наши ротные? О закладке знали всего несколько человек из моего взвода, и они были строго предупреждены о неразглашении. До сих пор на ребят можно было положиться, не было заметно любителей особо поговорить. Хотя кто его знает, что у людей на уме! Немцы? Не думаю. Они бы забрали все и заодно засаду бы на нас оставили. Неужто евреи? Отследили наше передвижение и решили воспользоваться? Мне, конечно, не жалко для доброго дела, но я на них как-то не рассчитывал. Жить становится все интереснее и интереснее. Оставив здесь несколько человек в качестве охраны, мы продолжили свой путь и вскоре были на месте.

Охранение лагеря заметило нас лишь только тогда, когда мы к нему приблизились на десяток шагов. Проспали все на свете. Встретившему нас Ерофееву пришлось выслушать от меня пару ласковых слов за такую организацию охраны. Прощало его только то, что часовые были из числа раненых, что могли передвигаться. Пришлось их менять на бойцов, что были со мной. Заодно пересматривать систему обороны лагеря, распределяя сектора и участки обороны. Хорошо, что, пока мы тут стояли, многое успели приготовить заранее. Как бы ни было тяжело людям после марша и ночных боев, а о безопасности думать стоило в первую очередь. Бойцы это понимали и все приказания выполняли беспрекословно. Я надеялся на то, что здесь мы сможем пробыть несколько дней. Надо провести разведку, отдохнуть, переформироваться, дать возможность отлежаться раненым и определиться с будущими планами. Для этого егеря и разведчики были сразу же направлены в сторону хутора, бывшей польской базы и к перекрестку дорог.

Территория лагеря представляла собой лунный пейзаж. Горелые остатки палаток, сложенные повозки, разрушенная кухня и коновязь дополняли картину разрушения. Как пояснил Петр, то же самое было и с семейным лагерем. По ним отработал бомбами как минимум штафель. На краю лагеря, ближе к дороге, была оборудована братская могила с десятком фамилий на деревянном памятнике. Рядом была отрыта еще одна, в нее укладывали тех, кто погиб по дороге в лагерь. Петр доложил, что, двигаясь по дороге, на подъезде к лесу мобгруппа попала под обстрел каких-то ухарей, пытавшихся остановить грузовики огнем из кустов. Что интересно, самоходки они пропустили, а вот грузовикам досталось. Обстрел велся из винтовок и пулеметов с обеих сторон дороги. Отбились. Из пулеметов зенитки расстреляли нападавших, но беды избежать не удалось, погибло несколько раненых и фельдшер. Уже здесь, в лагере, от ран и отсутствия квалифицированной помощи умерло еще несколько человек.

Вся наличная техника была замаскирована масксетями и ветками. Сержант Козлов, командовавший нашими бронесилами, рассредоточил ее под деревьями. Обе самоходки своими орудиями смотрели на дорогу и выход из леса. Трофейное противотанковое орудие было развернуто метрах в ста от позиций самоходчиков, а зенитка прикрывала тылы.

Озадачив личный состав работами по дооборудованию лагеря, я собрал командный состав на военный совет. Надо было решить, что делать дальше. В принципе у меня уже было решение, но я хотел услышать мнение остальных. Слишком большая солянка собралась в отряде: от пограничников и танкистов до ездовых и саперов. Я был уверен в своих бойцах – егерях, снайперах, «панцерниках», но остальные во многом оставались для меня загадкой. Слишком мало времени они были у меня на глазах, и я не успел их изучить. Да, мы вместе сражались в крепости, отбивали атаки врага, пережидали артобстрелы, но мне хотелось знать, что у них творится в голове. Ведь у каждого из них было свое мнение на окружающий мир. Пока оборонялись и прорывались из крепости, мы были единым целым. Мне подчинялись как старшему по воинскому званию, а что будет потом? Например, когда встретим кого с большим количеством геометрических фигур в петлицах или когда пойдем по лесам? Останутся ли бойцы верными присяге или постараются раствориться в лесах Беларуси? На кого я могу

рассчитывать в нашем рейде по тылам врага? Вот маленький перечень вопросов, что меня волновали.

Рассевшись на сохранившемся основании моей бывшей палатки, народ приготовился слушать указания. Я же обрисовал наше положение и предложил всем высказаться, что делать дальше. Мое предположение о различии взглядов у сержантов оправдалось. У каждого был свой взгляд и ответ. От – переждать здесь, в лесу, нанося удары немцам, до – двигаться на соединение с нашими войсками, на восток. Предложений отказаться от борьбы и разойтись по домам или сдать врагу не поступило. Я был этому очень рад.

Выслушав всех, я огласил решение:

– Мы пойдем на соединение с нашими войсками. Не просто пойдем, скрываясь от глаз противника в лесах и болотах, а стараясь нанести ему максимальный вред. С имеющимися силами нам прописана тактика «партизанско-диверсионных действий». Поскольку в лобовом столкновении на поле боя с немцами наши шансы победить малы, будем исходить из следующего. Объектами наших атак будут тылы врага, его колонны снабжения, маршевые пополнения, мосты, штабы и аэродромы! Наша тактика будет простой – неожиданно ударить, собрать трофеи и убежать. Считаю, что она наиболее оправданная. Так мы нанесем немцам максимальные потери, стараясь при этом не терять своих бойцов.

Мое решение было всеми одобрено.

Кроме того, на совещании рассматривался вопрос переформирования отряда. В наличии было сто пять человек, больше половины из которых в той или иной степени ранены. По большому счету в моем распоряжении было два стрелковых взвода и мобгруппа, то есть неполная рота со средствами усиления. Наиболее укомплектованным и подготовленным был мой бывший взвод, с численностью сорок два человека. 21 июня в Брест мы выезжали двумя отделениями, остальные оставались в лагере и на базе. Надеюсь, что бойцы поступили, как я им указывал, – осели на базе и ждут меня. Завтра в «почтовом ящике» проверю, насколько меня послушались. По договоренности Егоров в любом случае должен был оставить мне сообщение.

22 июня в казарме полка из остатков роты я добрал себе бойцов до штатной численности взвода, и с ними мы вступили в бой. В ходе боев в крепости из них потеряли пять человек убитыми и восемь ранеными. На место выбывших пришли парни из разведбата и инженерного полка. Пока была возможность, в минуты затишья, Виктор Малышев и Петр Ерофеев натаскивали их на действиях штурмовыми группами и в качестве пулеметных расчетов. Благо трофейных пулеметов хватало. Только во взводе их сейчас десять, в том числе два станковых. Более или менее штатными оставались лишь два отделения – снайперов и егерей. Им пока везло. Не было ни погибших, ни тяжелораненых, отделялись легкими царапинами. Снайперы так даже росли в численности. Просто так взять и набрать к ним еще людей в осажденной крепости не было возможностей. Хороших стрелков хватало, но командиры групп и участков обороны неохотно расставались с ними, а настаивать у меня не было права. Стоит признать, нескольких парней мне все же удалось урвать себе в отряд. Большие надежды у меня были на «конвойцев». Среди них были штатные снайперы с еще довоенной подготовкой, но гибель в казарме батальона сразу двух групп бойцов похоронила мои надежды на корню. Тем не менее все восемь моих снайперов имели неплохие вторые номера. Надеюсь, со временем удастся создать в отряде штатный снайперский взвод.

В мое отсутствие взводом командовал Ерофеев. Чтобы не изменять традиции, я назначил его своим заместителем и в отряде.

Вторым по численности и подготовке был сводный взвод пограничников сержанта Петрищева, общей численностью двадцать один человек. В него входили те, кто сражался на Западном острове, и остатки группы Кижеватова. Мне очень хотелось, чтобы их было больше, но каждый сам выбрал свою судьбу. Часть пошла на прорыв с полковым комиссаром (в его охране), другие отказались покидать границу и отступать в тыл. Третьи, неспособные самосто-

ятельно передвигаться, остались прикрывать наш отход из цитадели. Сейчас их неотправленные письма лежат у меня в ранце.

Во взвод Сергея я направил всех оставшихся целыми «конвойников». Все же из одного ведомства. Пограничников я планировал использовать как разведвзвод, комендантский взвод и Особый отдел одновременно. Других проверенных людей у меня нет, а особисты мне как воздух нужны. За людьми нужен глаз да глаз, да и по пути народ приставать будет. Я, что ли, их проверку проводить буду? У них во взводе пара сержантов третьего года службы присутствует, вот они и возьмут на себя функции особистов. Надеюсь, за время службы опыта поднабрались, вот пусть с людьми поговорят, на них посмотрят и мне доложат. Кроме того, их же я собирался использовать в качестве резерва командного состава, уровень образования и подготовки это позволял. Почему это задумал? Потому что пока будем по лесам бродить, народа «бесхозного» себе наберем, вот и потребуются командиры для сборной солянки.

Мобгруппу сержанта Козлова трогать не стал. Парни там собрались стоящие. Одни водили чего стоят. К нам они пришли из разбитых казарм автобата. После разговора о необходимости восстановления автомашин для нужд гарнизона они из кучи рваного железа за несколько дней смогли собрать две нормально работающие полторки. Узнав о работах в автомастерской, туда с разных участков обороны пробралось еще несколько водил и слесарей, помогавших в работе над машинами и самоходками. Именно они собрали еще несколько машин для группы Фомина и натащили запчастей для автомобилей, уходящих в прорыв. Трое водителей и два механика вошли в мой отряд, остальные пошли с отрядом полкового комиссара. Или взять сформированные из остатков бронероты 75-го разведбата экипажи самоходок. Те, чьи танки мы не смогли завести или починить, сами напросились в эти экипажи. Парни не жалели своих сил, чинили и изучали самоходки. В качестве наводчиков к ним влились артиллеристы Петлицкого, потерявшие в бою свои орудия. Изучать трофеи было бы сложно, но помог Его Величество Случай. В первой из подбитых в цитадели самоходке среди трупов экипажа нашелся один живой. На наше счастье, мехвод. Он, получив ранение в ноги, не смог вылезти, вот и попал к нам в плен. Как они его разговорили, не знаю, но тот все эти дни добровольно помогал в изучении и овладении «штугом». Причем когда танкисты что-то делали не так, немец на парней кричал и размахивал кулаками. В качестве переводчика выступал Дорохов – сержант из саперов, знавший немецкий язык.

С расчетом единственной зенитной установки вообще была история. Они ее таскали по этажам казармы 44-го полка и отстреливали наступающих вдоль берега Мухавца немцев. Дважды установку повреждало осколками, но парни ее чинили, доставая запчасти из-под завалов. В качестве охлаждающей жидкости использовали мочу. Связаться с ними удалось лишь вечером 23 июня. Разведчики, прочесывая Кольцевые казармы в поисках групп сопротивления, натолкнулись на них, полуоглохших от очередного разрыва «чемодана», замотанных грязными и кровавыми бинтами, в каземате второго этажа размышляющих о поднятии зенитки на крышу здания для обстрела пролетающих над крепостью немецких самолетов. Почти сутки они вшестером без продовольствия, воды и связи с командованием держали оборону казармы. Надо было видеть их радостные лица, когда им дали напиться воды из фляги, а затем принесли несколько ведер воды для зенитки. Парни, несмотря на молодость, были боевые, лихие и набравшиеся за дни обороны опыта в борьбе с пехотой противника. Командовал ими младший сержант Петров. Григорий практически перед самой войной прибыл в полк с курсов под Минском. И как после этого оставлять таких людей на произвол судьбы?!

С самоходчиками зенитчики сошлись быстро. Так же быстро они, не подпуская к установке никого постороннего, установили свою пушку на грузовик, затарились водой и боеприпасами. Единственным, кого допустили, был пожилой оружейный мастер из гражданских, починивший водяной насос на установке. Они же присматривали и за трофейной «колотушкой» – противотанковой пушкой.

Медицинское отделение возглавил Самойлов. А кому, как не ему? Других медиков в отряде не было. Девять тяжелораненых пока держались на его знаниях и умениях. В помощь ему в качестве санитаров выделили двух бойцов из числа хоть что-то знающих о медицине. Во всяком случае умеющих делать перевязки и доказавших это в бою, перебинтовывая раненых. Григорий сразу взял быка за рога, потребовав с меня разрешение на срочное купание личного состава в реке. Четыре дня, проведенные среди грязи, вони, копоты, разлагающихся на жаре трупов людей и лошадей, недостатка воды, плохо сказались на гигиеническом состоянии бойцов. Люди пообносились, форма грязная – так и до вшей не далеко. Бани не предвиделось, а река – вот она, рядом, всего в нескольких метрах, иди и купайся. Мыло у личного состава есть (почти по десятку кусков на каждого, случайно на складе разжились), чистое белье тоже. Еще в крепости на складе удалось разжиться несколькими комплектами нижнего белья и запасным комплектом формы на каждого. Я был не против, но только после завершения всех оборонительных работ и у берега в кустах, не заплывая далеко. Хрен его знает, где немец своих наблюдателей поставил, не дай бог, выследят, а нам позарез пару дней надо спокойных выгнать.

Сложнее всего было со старшиной. Лучше всех на эту должность подходил Козлов. Особо наглядно это было видно, когда он загружал свои машины. И чего там только не было! И шанцевый инструмент, и масксети, и запчасти, и патроны, и продукты, и бензин в канистрах. Он две двухсотлитровые бочки в полуторку самый первый засунул. Но увы. У сержанта на шее вся мобгруппа висит. Других таких я не видел, а когда к нам присоединится Егоров, неизвестно. По предложению Петрищева временно старшиной отряда назначили сержанта Ермакова из пограничников. Тот на курсах неплохо исполнял обязанности старшины, так что работу знает и, надеюсь, с ней справится.

Нужен был бы в отряде еще политрук, но, увы, среди нас такого не было. Назначать кого-то неизвестного не хотелось. Членов партии тоже не было. Так что подождем до лучших времен. А вот секретаря комсомольской организации отряда предложить удалось. В моем взводе секретарем комсомольской ячейки был ефрейтор Усольцев. Из снайперов. У него, кстати, был самый большой счет убитых им в крепости врагов – тридцать один, в том числе три офицера, снайперская пара, двенадцать унтер-офицеров, шесть пулеметных и один артиллерийский расчет. Это не считая тех, кого он «успокоил» в ходе прорыва и до войны. Об организации соревнования среди снайперов мне рассказал полковой комиссар, случайно услышавший спор нескольких бойцов о том, кто из снайперов больше набил врага. Спор чуть до драки не дошел, и ладно если бы спорили сами снайперы, так ведь спорили бойцы из групп прикрытия. Вот Фомин и предложил организовать соревнование среди снайперских пар. Учитывались лишь те удачные выстрелы, которые подтверждались несколькими независимыми свидетелями и самим снайпером. В конце каждого дня подводился итог, и только после этого в снайперскую книжку вносились результаты. В одном из классов полковой школы на грифельной доске велась специальная таблица по каждому из бойцов. Вроде бы и глупо этим заниматься в осажденной крепости, а вели и радовались успехам товарищей и старались равняться на лидеров. Николай был признанным лидером соревнования. Поэтому я и предложил его в качестве общеотрядного комсомольского вожака. Обещали подумать и выдать решение на комсомольском собрании. Не думал, что все будет так серьезно. В мое время «развитого социализма» такого не было. Все было до невозможности заформализованно. Комсомольские вожаки назначались сверху, и никто против этих кандидатур не возражал. Всем было по большому счету все равно, кто и кого куда ведет. Тут же все по-другому: и обсудить, и изучить, и высказать претензии в случае чего, а если не устроит, то погнать поганой метлой.

После совещания народ разошелся по своим местам, руководить личным составом. Я же снова занялся бюрократией, сожалея о том, что Сарычев погиб. Вместо него я так никого и не подобрал. Жалел и о том, что мне по должности начштаба не положено и все приходится делать самому.

Ближе к вечеру работы были закончены, со склада все перенесли в лагерь, завершились и перемещения личного состава внутри подразделений. Сержанты повели народ купаться и приводить себя в порядок. Вскоре среди кустов появились стиранные предметы военной одежды, а купанный и чистый народ принялся с усердием скоблить свою щетину, смотрясь в зеркала с автомашин. За маленьким осколком зеркала, найденным в самоходке, выстроилась целая очередь. Зенитчикам пришлось усилить наблюдение за воздухом и окружающим миром.

Ермаков для всех организовал перекус тушенкой с горячим чаем и сахаром вприкуску. Он с тоской смотрел на меня и все горевал, что нет полевой кухни, котлов и иного инвентаря. Словно я волшебник и сейчас возьму и достану их из воздуха. Возможно, у него сложилось такое впечатление после увиденного на складе. Пришлось его успокоить и пообещать в скором времени все необходимое найти. От дальнейших обещаний меня спас Никитин, сообщивший о прибытии разведки.

Они вернулись с далеко не самыми лучшими новостями. Почему, судите сами.

Хутор занят немцами. Там стоят несколько автомашин и несколько бэтэров. Одна из автомашин – радиостанция, у нее растянуты антенны. На хуторе расположилось до пятидесяти солдат и несколько офицеров. Офицеры живут в доме, а солдаты в хозяйственных постройках. На подступах к хутору выставлены посты и дозоры, кроме того, в лесу размещено несколько «секретов». Живность, что раньше там содержалась командой Егорова, отсутствует. В течение дня на хутор несколько раз приезжали мотоциклисты. Один из грузовиков, груженный солдатами, куда-то выезжал в сопровождении мотоциклистов. Следов боя за хутор и бомбардировки не видно. Могила с погибшими поляками вскрыта. На ее месте стоит большой католический крест. Иных захоронений не видно.

С одной стороны, вот она первая и жирная цель для отряда. С другой стороны, отсутствует группа Егорова – то ли отошла с нашими войсками, то ли погибла под ударами немцев. Егеря, что ходили к польской базе, вернулись ни с чем. Они не смогли туда пройти. Немцы недалеко от нее руками наших военнопленных заготавливают лес. На лесоразработках задействовано порядка ста человек. Их кормежка и отдых организованы там же, на поляне. Охрану пленных осуществляют десяток пожилых немцев, которые к своим обязанностям относятся кое-как. Половина прохлаждается в палатке, двое стоят на часах (оба у шлагбаума на въезде), оставшиеся трое без оружия ходят по лесоразработкам, измеряют длину стволов и руководят работами. На вооружении у немцев винтовки. Работы идут достаточно активно, случаев саботажа или волынки незаметно. Как и незаметно попыток побега. Вот и еще одна неприятная новость. По идее наши вроде должны были бы разоружить конвоиров и податься в леса. Так нет, вкалывают на рейх и в ус не дуют.

Практически следом за разведкой в лагерь вернулись наблюдатели с развилки дорог. Сравнение журнала наблюдений и доклада разведки показало, что грузовик с солдатами из хутора проследовал в сторону Бреста, обратно он не вернулся. Что ж, наши шансы на успешный захват хутора растут, но спешить пока не будем. Посмотрим, изучим, время на это есть и терпит. Надо дать людям отдохнуть, подлечиться, да и самому стоит осмотреться по сторонам, определиться с планами и маршрутами движения отряда. Да и вообще понять, что вокруг происходит, где проходит линия фронта, есть ли изменения от той истории, что я помню. Но хутор в любом случае надо брать, сил для этого должно хватить. Почему нельзя пройти мимо? Насколько помню в этот период времени, передвижная рация – это уровень полка, в батальоне переносная либо на броне. Штабу полка или чего повыше тут делать нечего, от расположения подразделений слишком далеко, да и офицерского состава маловато для штабного узла радиосвязи. Кроме того, от расположенных рядом подразделений полка не протолкнуться было бы, а уж о прорыве сюда и купании в реке говорить даже не стоит. Больше всего это похоже на станцию радиоперехвата и слежения функабвера или что-то аналогичное. У объекта люфтваффе охранники были бы из частей Геринга. Здесь же «выпушка» пехотная, значит, объект армей-

ский. Народа не много, только необходимый минимум для охраны и обеспечения деятельности. Вроде бы все на виду, да только есть пара нюансов. Пулеметов для такого объекта у охраны слишком много. Да и броня присутствует. Насколько помню, с броней у немцев сейчас не очень – по роте в моторизованных дивизиях, а тут аж несколько. Значит, объект важный, любящий тишину и хорошую защиту. А кто у нас все это любит? Правильно – разведка! Так что будем исходить из того, что перед нами именно команда абвера. Конечно, святой Грааль попаданцев – шифровальную машинку «Энигма» там можно найти, но толку от нее мало. Меня лично другое интересует. Например, шифры, кодировочные таблицы и т. д. Да и мощной радиостанцией обзавестись не помешает. Так что удар по хутору для нас первоочередная задача. Причём потери при этом особо не рассматриваются.

Охраны там взвод, со средствами усиления, и экипаж радиостанции. На первый взгляд вроде немного, но, как всегда, есть дьявол в мелочах. Если там в охране волкодавы абвер-команды, то будет весело. У меня для борьбы с ними слишком мало подготовленных ребят. Хотя попробовать все равно стоит. Бронетранспортеры по описанию егерей – это двенадцатиместный SdKfz 251. Хорошие и надежные машины, конечно, броня слабенькая, но в наших условиях выбирать не приходится. Фронт ушел далеко, пешедралом по лесным тропинкам его догонять не айс, а тут такая возможность часть пути преодолеть на колесах. Даже если удастся проехать на восток по тылам врага километров сто – уже дело. В броневиках есть штатная радиостанция UKF FuG Spr Ger a-f со штыревой двухметровой антенной, обеспечивающей связь на расстоянии до трех километров, для действия в колонне самое оно. Кроме того, на броневики из штатного оружия имеются два пулемета МГ-34 с запасом патронов. А ведь есть модификации с 80-мм минометом или с противотанковой пушкой. Хотя, на мой взгляд, вряд ли абвергруппы будут таскать 80-мм минометы или пушки, потому что пользовались преимущественно 50-мм переносным минометом. Ладно, когда возьмем объект, разберемся, что к чему.

Так что решено. Завтра вместе с разведчиками и егерями схожу к хутору, все сам посмотрю. Оставлю наблюдателей и егерей. Пусть все кругом еще раз облазает и посмотрят, а поближе к ночи посетую с бойцами данное заведение и разнесу его, к чертям собачьим. Надо будет только предупредить бойцов, чтобы особо технику не портили, а то дальше пешком пойдут. С этими мыслями я отправился на берег реки приводить себя в порядок и заодно сменить форму, в очередной раз пришедшую в негодность. Хорошо, что со склада формы с собой набрали, есть на что менять, а то стыд и позор с моим внешним видом. Вот что интересно: после рукопашной в ночном бою хэбэ пострадало, а «кикиморе» хоть бы хны, так, парой дополнительных дырок обзавелся.

Было уже темно, когда я, раздевшись догола, зашел в воду. Маленький заливчик, окруженный кустами, надежно укрывал меня от посторонних взглядов на берегу. Звездное небо с редким вкраплением облаков отражалось в чистых и теплых водах неспешно текущей реки. Пение птиц настраивало на мирный лад. Вот только комары, вечные бойцы с излишками крови в теле, пищали вокруг, ожидая возможности напиться ее. Хрен вам, а не командирского тела. Нырнув и некоторое время пробыв под водой, я выплыл на середину реки. Ничто не нарушало покой леса...

На песчаном берегу аккуратной кучкой были сложены мои вещи и оружие. Около них возникло существо по фамилии Никитин, державший в руках уже подшитую и оборудованную гимнастерку и бриджи. Он одним из первых искупался и успел переодеться и постираться. Вон какая морда веселая и довольная. Чистый, выпавшийся, опрятный, сытый (банку тушенки в одну харю смолотил, остальные банку на двоих сэкономили), ничем не озадаченный, что еще человеку надо для счастья. Не то что командир, весь в делах и заботах. Вот и пришлось его напрячь помочь мне в бытовых мелочах. Как ни хотелось, но пришлось покидать приятные и теплые воды реки.

– Товарищ лейтенант! Я тут все хотел спросить. Мы дальше как – к своим пойдем или тут партизанить останемся?

– Ты как будто и не слышал, о чем мы с сержантами говорили? Рядом же крутился. К фронту пойдем.

– Да я не прислушивался, а насчет фронта правильно. Всем колхозом проще врага бить. Белье у вас, нижнее, такое чудное. Я такого никогда и не видал. Богатое, легкое и красивое. Вы вон сколько в нем ходили, а оно даже потом не пропиталось. Трофейное, наверное? У нас такого точно нет, – рассматривая лежащие на рюкзаке вещи, спросил верный оруженосец.

– Да, трофейное. Шелковое, – поддержал я порученца.

– Я так и думал. Отец о таком рассказывал, у них офицеры такое носили – от вшей. Солдаты такое доставали у немцев в качестве трофеев. Отец, правда, с войны с собой не привез, у него попроще было. Но служило долго, а где вы его взяли?

– На выезде среди трофеев нашлось.

– Это, наверное, на хуторе, что здесь рядом?! Тогда парни себе еще трофеев насобирали.

– Да. Тебе вроде тоже перепало?

– Так, немного, родным на подарки. Мне бы себе тоже такое белье найти. Сносу ему точно нет, вон как играет материал. В Бресте я такого и не видел.

– А ты что, по всему Бресту ходил?

– Так, несколько раз на рынок да по городу ходил. Всякого насмотрелся. На рынке красивых вещей много было, а такого не видел!

– Ну, теперь видел. Попадется еще – подарю.

– Спасибо. А вы его стирать будете? Может быть, давайте я это сделаю? Я аккуратно и очень чисто. Меня мать знаете как научила. У меня и мыло хорошее есть. Я его у поляков на банку тушенки обменял. С любыми пятнами справлюсь.

– Буду. Спасибо за заботу, но я уж как-нибудь сам справлюсь, – поблагодарил я бойца. Форму Виктор подшил как следует, придаться было не к чему. Уходить с берега и от реки не хотелось, и я снова пошел в воду. Вода не отпускала, ласкала и баюкала. Вечно так лежал бы...

Кайф обломал тот же персонаж, продолжавший маячить на берегу. Пришлось бросить такие приятные процедуры и выбраться на грешную землю. Растираясь поданным полотенцем, я чувствовал себя на вершине блаженства. Даже комары не мешали.

– Товарищ лейтенант! Я вот что спросить еще хотел. Вы вон ночью немцу по шее рукой двинули, так тому сразу как-то пришел, а еще когда штыковой удар левой рукой отбивали, словно отмахивались от назойливой мухи. Винтовку из рук у немца выбили, а тот так и не понял, что к чему. Ловко у вас это получилось, я такого не видел. Я уж, грешным делом, думал, что штык вам всю руку пропорол, а у вас даже царапины нет. Может, научите, как так отбиваться?

– Ты многого еще не видел, друг Горацио! Конечно, научу. Организуй чайку, а потом сходим посты проверим, – остановил я расспросы порученца.

– Сейчас все сделаю. Товарищ лейтенант! Только вы не забудьте насчет белья, если найдете, мне отдайте! Ладно?

– Договорились. Беги уж давай.

– Все, побежал, – сказал Никитин и скрылся в зарослях кустарника.

Вот ведь привязался. Быстро одевшись, я пошел следом за порученцем. Мне еще сегодня предстояло многое сделать.

Глава 2

Сержант Козлов

Сержант Козлов, лежа на чехле самоходки, под храп экипажа и мерные шаги часового смотрел в звездное небо. Не спалось. Хоть убей. Народ вон уже десятый сон видит, а ему не спалось. Причина этого сравнительно недавно прошагала мимо позиций. Лейтенант. Командир их сводного отряда. Всякие командиры попадались Николаю за все годы службы в армии. Не всех он считал командирами, достойными уважения и звания. Были и умные и знающие, были и не очень, такие, что не только не знали технику и не умели ее эксплуатировать, но и скрывали это за трескучей болтовней и преданностью на словах делу Ленина – Сталина, обвиняя остальных во всех грешных делах. Но этого лейтенанта он лично уважал. Да и остальные бойцы тоже.

С Седовым он познакомился вечером второго дня войны, когда тот пришел в артмастерские 333-го полка ознакомиться с тем, как идут дела с ремонтом и освоением трофейных машин. Немцы недавно закончили очередной артналет, и народ снова занялся обслуживанием техники. К обстрелам уже привыкли. В мастерские через окна и ворота периодически залетали осколки снарядов и мин, выбивающие из кирпичей крошку. Часть бойцов начала уборку наиболее крупных осколков, как в каземат в сопровождении нескольких бойцов зашел высокий лейтенант в форме НКВД. Николаю он показался знакомым. Уже потом пришлось на ум, где он его видел. Почти каждый день мимо их казарм пробегали по нескольку раз в день бойцы во главе с ним. Но тогда он был в форме пехотинца. В принципе какая разница, кто во что одет, главное, чтобы человек был хороший. А раз он среди тех, кто в крепости остался, значит, лейтенант такой и есть. Взгляд у лейтенанта был требовательный и оценивающий. Был он опрятен, выбрит и с чистым подворотничком, свежий и фасонистый весь такой. На руках тонкие кожаные перчатки. Автомат на плече. Новая фуражка с синим верхом. Форма практически не ношенная, хоть бы где пятно посадил. Так ведь нет – и это в крепости, где постоянные обстрелы, пыль, грязь, кровь, гарь от пожарниц и практически полное отсутствие лишней воды. Чистюля, одним словом. Не то что они, грешные, – все в копоти, смазке и масле. Помыться и почиститься было некогда, не то что выспаться. Даже лейтенант, руководивший работами по восстановлению самоходов, был таким же и мало чем отличался от остальных. А тут такой образчик чистоты и власти.

Лейтенанты поздоровались, знакомцами оказались. Седов, отказавшись от сопровождения, прошелся по мастерским, а затем, подойдя к машине Козлова, посмотрел, как бойцы обслуживают технику. Забрался в боевое отделение. Поинтересовался наличием боекомплекта и подбором экипажа. По-немецки поговорил с пленным. Хельмут (раненый немецкий механик с одной из машин), услышав родную речь, даже встать пытался, и это с его ранами ног. Когда это не получилось, лежа принял почти строевую стойку, а ведь до этого никаких «авторитетов» не замечал. Даже Ивана Дорохова – сержанта из саперов, знавшего немецкий язык, в грош не ставил. Все делал мину на физиономии, когда тот с ним говорил. А тут весь из себя строевого солдата изобразил. Слушал с почтением, гавкал в ответ что-то и довольным был, когда лейтенант ему пачку их дрянных и вонючих сигарет отдал. Седов же, отозвав Николая, сделал несколько предложений по довооружению самоходов. Так, предложил установить на рубке пулемет, а на борта и лоб навесить траки и катки для дополнительной защиты. Были и другие предложения – например, экраны на борта, усилить дополнительными бронеплитами лоб машины, электрозвонок для механика-водителя, чтобы тот вовремя выполнял указания командира. В принципе работы было не много, она виделась не сложной, и предложения были встречены с пониманием. Бронелисты нашлись здесь же, в мастерской, от поляков остались.

Пулеметы и патроны Седов выделил из своих запасов. Прислал на все самоходки трофейные «МГ-34».

Так началось их знакомство. Потом было еще несколько встреч и разговоров с бойцами о лейтенанте. Своим кругозором, знанием оружия, истории и техники он все больше нравился Николаю. Особенно когда разговор заходил о танках, тактике их применения в бою. Вообще Николаю казалось, что Седов никакой не пехотинец, а их брат-танкист, слишком уж специфические знания тот выказывал. Лейтенант, увлекшись, рисовал различные проекты переделки танков старых типов в совершенно новые машины. Были там и плавающие, и самоходные артиллерийские и зенитные танки, различные бронемшины. Иногда обсуждение затягивалось на несколько часов и к ним присоединялись остальные бойцы. Часть рисунков и проектов Николай сохранил у себя. Так, на всякий случай, вдруг пригодится. Чего только стоит проект переделки «Т-37/38» даже на первый взгляд в нормальный плавающий танк. Всего-то надо заменить вооружение («ДТ» на противотанковое ружье или станковый пулемет, а еще лучше пулемет «ДШК» или «ДС»), слегка удлинить корпус (лучше соединить сразу два, срезав у одного корму, а у другого нос), добавить еще одну тележку, заменить двигатель на более мощный, и получится неплохой разведывательный или санитарный танк.

Когда начал формироваться отряд для прорыва, Николай со своим экипажем попросился в группу Седова. И не пожалел. Не только вырвались из крепости, но и причинили врагу немало вреда. Самоходка показала себя с лучшей стороны. Удобная в управлении и эксплуатации. Орудие новое, не расстрелянное. Двигатель «Майбах» вообще песня. Карбюраторный V-образный двенадцатицилиндровый, развивающий мощность 300 л. с. Отработал совсем ничего, когда запустишь, работает, словно песню поет. Сказка, одним словом. Да и остальные приборы в исправности и новые. Хельмут, правда, предупреждал, что запас хода у нее небольшой. По дороге с покрытием около двухсот километров и около ста по грунту. У шасси болезнь – плохая проходимость по слабым грунтам. На его машине гусеницы широкие, ее выпустили только в прошлом году, учтя опыт боев во Франции. Пока машина не подводила. Снарядов, правда, к орудию осталось совсем мало. Больше половины боекомплекта расстреляли по складу, мосту и пехотному лагерю. Остались лишь десяток бронебойных и немного осколочно-фугасных. Надолго не хватит, так, на небольшой бой. Где бы еще снарядов найти. Да и бензина не помещало бы пару бочек достать. Двигатель жрет бензин дай бог как. Бак на триста десять литров, а хватает его всего на сто шестьдесят километров. Бензин ему нужен не абы какой, а синтетический этилированный. Ну да мы его пока нашим покормим. Запас, конечно, есть, и в канистрах, и двухсотлитровой бочке, что стоит в грузовике. Но все равно мало. Бросать машину не хочется. Если за ней ухаживать, она долго может послужить. Запчастей с разбитого «штуга» набрали. Остальные не удосужились, а он вот подсуетился. Даже разбитую радиостанцию стащил к себе на запчасти. Хельмут подсказывал, что надо брать в первую очередь. Спасибо ему, не зря «тушняк» жрал. Как он там, интересно? Тащить его с собой в прорыв не стали, оставили в мастерской дожидаться своих. Жаль, конечно, без него трудно будет с ремонтом и обслуживанием. Ну да не боги горшки обжигают, справимся как-нибудь. Все доработки мы на машинах без него делали, держа в каптерке, так что свои машины он вряд ли узнал бы.

Экипаж собрался неплохой. Артиллеристы опытные, с орудием быстро разобрались. Механик-водитель тоже не пальцем деланный, за машиной следит не хуже Николая. На второй самоходке тоже парни дельные, но машина у них похуже будет, собрана из двух подбитых. Именно в ней Хельмута в плен взяли.

Свою машину Николай захватил в первый день войны сам. Днем при атаке на немецкие позиции у казарм 125-го полка его «БА-6» подбили. Они с механиком смогли ее покинуть, до того как броневик сгорел. Да еще смогли с собой курсовой пулемет и диски с патронами забрать. Отступили к столовой комсостава 42-й дивизии и там в течение дня держали оборону. Сюда же собрались и те, кто не смог вырваться из крепости. После обеда немцы пустили в

атаку самоходки. Первую обстреляли из орудий с Восточного форта, и она остановилась. Хотя внешних повреждений на ней видно не было, как и дыма или покидающего подбитую машину экипажа. Вторую самоходку пехота забросала гранатами, и она тоже встала. Несколько немцев пытались скрыться, но их расстреляли из столовой. До ночи к штурмовым орудиям никто из немцев так и не приблизился. С наступлением темноты, взяв с собой еще пару человек в прикрытие, Николай пробрался к подбитым машинам. Со вторым самоходом все было понятно – граната попала в открытый люк и ранила экипаж. А вот с первым были непонятки. Как ни вглядывался в него Николай, так и не обнаружил никаких внешних повреждений. Ползком приблизившись к машине, он услышал, что экипаж все еще находится внутри и пытается запустить двигатель. Ждать было нельзя. Командирский люк был приоткрыт. Из оружия у него был с собой только пистолет. Звать залегшего с пулеметом неподалеку в воронке Петра Коробченко, своего мехвода, смысла не было. Как и остальных бойцов, оставшихся у второй самоходки. Не успеют. Вот Николай и рискнул. Вскочив на борт, он выстрелил в открытый люк. В кого-то попал. Так и стрелял, пока обойма не кончилась. Сменив магазин, снова стрелял в темноту боевого отделения. Подоспевшие бойцы тоже хотели присоединиться, но Николай запретил. Подняв люк и свесившись внутрь, он застал там лишь трупы. Подавал признаки жизни только мехвод, так и не оставивший своих попыток запустить двигатель, и что странно – он завелся. Отстранив в сторону умершего мехвода, Николай сам сел за рычаги. За ночь удалось, убрав трупы, изучить машину настолько, что, зацепив тросами вторую машину, утащил орудия в цитадель.

Сколько проблем было с машиной, пока разбирались, что к чему и как что работает. Сколько нервов потрачено, чтобы все работало. Хельмут на первых порах так вообще говорил, что мы не сможем ничего сделать как надо. Но вскоре изменил свое отношение, рассказывая и показывая, что к чему. Ничего, освоили и уже обновили. Теперь здесь, в лесу, скрываются от чужих глаз. Ничего, скоро немцы о них узнают. Командир обещал им веселую жизнь, значит, так и будет. В том, что выйдем к своим, даже не сомневаюсь. Командир выведет, он удачливый. Сам выйдет и нас выведет. Только вот как с машинами будет? Марш предстоит сложный. По лесным дорогам. Пройдут ли там «штуги» и грузовики, хватит ли топлива, запчастей и боеприпасов? Бросать их так не хочется! Только все наладилось...

С этими тревожными мыслями командир мобгруппы уснул, чтобы с первыми лучами солнца вместе с водителями и механиками снова и снова проверять вверенные машины и готовить их к дальней дороге...

Глава 3

Разведка

Утро добрым не бывает. По определению. С первыми лучами солнца дежурный по лагерю меня растолкал и разогнал все мои тайные желания. Я такой классный сон смотрел, с красотками и кабаком! Ну да ладно, ему простительно. Служба – она, знаете, требует. Тем более что я сам приказал это сделать. Вот ведь жизнь – одни спят как сурки, другие их должны проверять. Это я о проверке постов ночью. Спят на посту! Нет чтобы бдить, как положено по Уставу. Что за люди? Вырвались на свободу и тут же забыли об опасности и смерти, необходимости нести дежурство и охраняться от врага. Зла не хватает. Чуть не сорвался с рукоприкладством. Вот и доверяй им свою жизнь и свободу. Пришлось менять и наказывать других дежурством, а этих сажать под арест для дальнейшего разбирательства и суда.

Вместе со мной проснулись егеря, снайперы, радисты и разведчики. Сегодня им предстоит поработать. Остающиеся в лагере бойцы тоже без дела не останутся. Солдат без дела есть не что иное, как ходячее ЧП. Ерофееву поставлена задача развлечь личный состав занятиями по самое не хочу. Надо наработать практику действий штурмовых групп, взаимодействие с техникой, опять же продолжить изучение и обслуживание оружия. Так что гонять и гонять личный состав еще долго придется. Вот пусть командиры подразделений и начинают. Заодно на бойцов еще раз посмотрят, кто что может и где его лучше использовать. Особое внимание они должны уделить выявлению всех, кто знает немецкий или польский языки. А то всего пара человек говорящих на немецком языке на почти сотню молчаливых и хмурых парней мало-вато для моей задумки по рейду. Зря я, что ли, столько времени угробил на изучение карты и отметок на ней?! Ладно, это до вечера потерпит, а пока в путь, в путь, кончен день забав. Так, по-моему, в известной песенке поется. Пора провести ревизию в своих закромах.

К почтовому ящику пришлось идти в обход, стараясь не светиться перед секретами врага. К заветному дереву пошел один, и там меня ждал сюрприз. Мои парни были живы и здоровы, ждали меня на базе. Об этом говорила банка тушенки, вся из себя в солидоле, одиноко размещившаяся в дупле. Надо двигать туда, и как можно быстрее, но сначала посмотрим на хутор. Все равно по пути.

С НП, облюбованного еще в прошлый раз, открывался неплохой вид на лесной хуторок. Там было на что посмотреть. Он практически не изменился. Правда, добавилось несколько стальных гробов на гусеничном ходу. Да серьезный народ в фельдграу и с пулеметами занял пару ключевых точек, откуда можно отлично прочесать стальной метлой все подходы, как к самому хутору, так и дорогу к нему. Еще эти веселые парни установили шлагбаум и, набив мешки песком или землей, уложили их в виде укреплений на въезде и рядом с болотом, а вот другими инженерными работами явно побрезговали. Не заметили мы никаких иных заграждений. Даже колючей проволоки не натянули, что тут говорить об окопах и дзотах. Не было их, или они размещены непосредственно на хуторе, да так, что мы их и не увидели. Как ни старались. А вот «секретов» было целых три, и все со стороны леса. Да не простых на пару человек. Сидели по пятеро со «швейной машинкой» в виде пулемета. Это что такое получается? Тут что, все медом намазано? Да так, что немцы его решили усиленно охранять, словно стратегический объект. Сразу шесть пулеметов в охранении. Три в лесу, один на болоте, один на въезде и еще один на крыше сарая, смотрит в сторону болота. Еще пара должна быть на броневиках. Да и вообще немцев тут больше оказалось, чем вчера насчитали. Радиомашинка была одна. Стояла несколько в стороне от построек. Броневики и грузовики, выстроившись в ряд перед часовым, стояли у хозпостроек. Один из броневику, похоже, в модификации машины связи. Антенн на нем слишком много торчит. Возле «радиолы» прохаживался еще один часовой, третий стоял

возле хозяйского дома. Кухни, как и празднующегося народа, видно не было. Все было тихо и спокойно. Только часовые, пулеметчики и тишина. Куда же они всех остальных подевали? Тут, по моим подсчетам, человек семьдесят быть должно, а видели мы всего около двадцати. На свои вопросы я ответы так и не нашел. Пришлось оставить их решение разведчикам. Первый итог наблюдения – откровенно радовал. Очень богатый двор гостинцев, сразу все не унести. Вот только с кондачка его не взять. Надо подумать и посмотреть, и чем дольше, тем лучше. Оставив разведчиков следить за объектом, мы направились дальше.

Лесоразработки шли полным ходом. Все было, как и рассказывали парни. Пленные усердно валили лес, а немцы делали вид, что их охраняют. Лагерь приобрел жилой вид. Кроме палаток для охраны, появилось несколько навесов для пленных. Тут же неподалеку находилась коновязь. Была расчищена площадка для построения. Активно строилась наблюдательная вышка. Неподалеку от палаток охраны трещал генератор. Работала полевая кухня. Наша, трофейная, еще не перекрашенная. Возле нее активно копошилась пара пленных в белых передниках. Еще несколько человек работали рядом, устанавливая навес и сколачивая столы из досок. Белели свежими досками несколько нужников, отдельно для пленных и для немцев. Пленные, по несколько человек, честно и упорно, без понукания, вкалывали на «Великую Германию», валя лес. Немцы, позевывая, в расстегнутых мундирах и без оружия ходили у палаток и неподалеку от импровизированного склада готовой продукции, куда пароконные повозки подвозили готовые стволы деревьев. Солдаты были в основном старших возрастов. Охрана осуществлялась парным патрулем с винтовками на плечах, для порядка прохаживавшимся вдоль вырубки. Был часовой и у палатки, над которой была растянута антенна. Еще один одинокий часовой бдил у шлагбаума и, насколько я понял, больше смотрел на дорогу, чем на пленных. Короче, охрана чисто номинальная и больше всего занята охраной самих себя.

За все время наблюдения ни один из пленных никуда не рванул. Все работали под руководством бригадиров. Отличить их от других можно было по белым повязкам на левом рукаве. Ни обычных для таких работ криков, песен или мата слышно не было. Словно и не русские тут впахивали. Все делалось вполголоса и настолько тихо, что понять, о чем идет разговор, было не разобрать. В бинокль рассматривая пленных, я так и не понял, кого тут собрали. Народ тут разнокалиберный, но деловой и активный. В основном это были представители славян, хотя попадались кавказцы и азиаты. Вид у всех был здоровый, не отощавший. Раненых не видно. Все коротко стриженные. Форма на них в основном стиранная не раз красноармейская, но опрятная и без больших заплаток. Из головных уборов пилотки, фуражки, гражданские кепки. Почти все обуты в ботинки. Сапоги только на бригадирах. На них же и польские мундиры без знаков различия. Угрюмых, забитых, злых или веселых лиц не видно. Сосредоточенные, задумчивые, уставшие – проще говоря, обычные лица людей, делающих свое дело. Инструмент содержат в исправном состоянии. Даже специальный человек имеется для его правки и заточки – под навесом сидит.

Понаблюдав за лагерем несколько часов, я так и не пришел к однозначному выводу. Кто же тут собрался? Не верю, что простые пленные. В свое время насмотрелся на фотографиях на то, как их содержали и охраняли, а тут даже колючку не натянули. Хоть и глубокий тыл, но все же. Слишком свободно пленные себя чувствуют. Ходят где хотят, свободно общаются друг с другом. Часовые им в этом не мешают. Вообще они больше похожи на рабочую команду, куда народ собирается добровольно. Получается, здесь собрались большие любители западных ценностей и дармовой закуски за рабскую покорность. Кому как, а я оставлять такое безобразие не собирался. Народ на фронте кровь проливает за Родину, а эти тут на врага трудятся. Когда наши их из плена освободят, эти будут себя в грудь бить, говорить, что они узники фашизма и так далее и тому подобное. Приходилось мне в свое время встречать таких «узников», получающих пенсии из Германии за службу в вермахте и бьющих себя в грудь при каждом удобном случае. Со мной такой фокус не пройдет. Нечего пятую колонну в стране оставлять, и сожалеть

не буду, и спать по ночам буду хорошо. Лесу они тут много наворочали. Ударно, по-стахановски, работают. Вот и мы поработаем. Сожжем склад, к чертям собачьим, да этих пентюхов к стеночке прижмем. Нечего им Родиной торговать, на врага работать. Черт с ним, что придется шуметь, зато все получают по заслугам. Ну а если кто на нашей стороне спросит, почему я так поступил, отвечу. Зря я, что ли, действующий здесь Уголовный кодекс штудировал. Все в рамках действующего законодательства.

В 10.05 27 июня по «Бодо» состоялись переговоры генерала армии Жукова с начальником штаба Западного фронта генералом Климовских. Заслушав доклад генерала, Жуков передал ему следующий приказ Ставки:

«Первое. Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда пророснули передовые мехчасти врага. Указать, где остались наши базы горючего, огнеприпасов и продфуража, чтобы с этих баз части снабдили себя всем необходимым для боя. Поставить частям задачу вести бои или сосредотачиваться в лесных районах, в последнем случае – по каким дорогам и в какой группировке.

Второе. Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях:

– через Докшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами;

– направление Минск, собирать части за Минским УРом;

– третье направление – глусские леса и на Бобруйск.

Четвертое. Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты,двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, можно нанести уничтожающий удар и для разгрома первого эшелона, и для разгрома пехоты,двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника,двигающегося на Минск и на Бобруйск, после чего можно с успехом повернуть против пехоты.

Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Пятое. Конницу отвести в пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под водительством преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах».

Все, что необходимо, мы тут изучили, можно и дальше в путь. День и так к обеду приблизился. Оставив пару человек продолжать наблюдение за лагерем, мы отправились дальше. Напрямки тут пара километров до базы будет, но эти «вредители» нам всю обедню испортили. Обходить придется далеко, но что поделать. Одинцов с Максимовым тут в свое время все облазили так, что обходную дорогу вокруг лесоразработок и хутора вполне покажут. Круг получится приличный – почти с десяток лишних километров. Через болото быстрее, но так надежнее, заодно местность проверим. Для бешеной собаки и русского спецназа сто верст не

много, а на раз плюнуть. Часа за три до базы доберемся, там и пообедаем, а к ночи назад в лагерь вернемся.

Глава 4

Пленные

Наш путь лежал через лес, краем петляющей среди деревьев дороги. Движения по ней не было, хотя следы автомашин и мотоциклов присутствовали. Машины прошли тут не далее как вчера. Для ускорения можно было бы и по ней топать, но кто его знает, может, немцы где посты еще расставили, ловя таких, как мы. Так что мы лучше лесом и кустиками. Спокойнее как-то. Ближе к обеду мы вышли к пересечению лесной дороги с трассой. Пройдя вдоль нее, нам метров через триста нужно было свернуть в лес на еле заметную тропинку, ведущую к базе.

– Товарищ лейтенант! Тут, если по дороге еще километров пять пройти, хуторок лежит, может, заглянем? Мы когда с Васькой польскую базу искали, туда на разведку ходили. Там несколько польских семей живет. К нам хорошо относились. Молока давали попить. Может, новостями или продуктами разживемся? – обратился ко мне Максимов.

– Я не против. На обратном пути зайдем.

Наш разговор был прерван шепотом Одинцова, прибежавшего из головного дозора:

– Товарищ лейтенант! Там по дороге немцы наших пленных ведут.

– Где?

– Метров пятьсот дальше по дороге идут со стороны хутора. Трое конвоиров, повозка и четверо наших. Больше никого, – срывающимся от бега голосом доложил боец.

До заветной тропки оставалось всего несколько десятков метров. Здесь дорога близко подходила к лесу и делала небольшой поворот. Можно было без труда спрятаться от чужих глаз в редком кустарнике или в глубине леса. Тем более в нашей форме. Но кое-что удержало меня от команды укрыться в лесу. Что именно? Место для засады было как на подбор. Время обеденное. Движения по трассе нет. Три немца и наши пленные, а нас тут почти полтора десятка человек. И мы молча скроемся от врага? Нет, так дело не пойдет! Парням нужна тренировка, тем более в таких тепличных условиях. Будем брать. Пленные мне не нужны. Да и не будет там хорошего языка. Одна пехота, знающая настолько мало, что даже не стоит утруждать себя. Распределив между бойцами обязанности, перебежал к головному дозору, где в бинокль стал разглядывать колонну.

По дороге в окружении конвоиров колонной по одному шли четыре командира РККА. Два летчика, пехотинец и еще один гражданин, чью морду в грязных разводах, замызганной одежде узнал бы среди тысячи других. Третьим в колонне шел Серега Акимов. И как его оставить немцам на растерзание?! Тем более раненого, вон как руку, перевязанную грязными бинтами, баюкает. Летуны, кстати, тоже здоровьем не блещут. У первого кисти рук перевязаны, а у второго голова и руки. Знаки различия у них на петлицах не рассмотреть. Гимнастерки порваны, ремней нет, но парни явно комсостав. Кант на бриджах выдает. Шедший последним пехотный лейтенант ничем особым не выделялся. Высокий, стройный, подтянутый, физически крепкий славянин лет двадцати. Форма чистая, не то что у троицы, шагающей впереди. Гимнастерка коверкотовая, застегнута на все пуговицы и даже на крючок. Я уж о сапогах и не говорю. Не блестят, конечно, но чистые. Но печальный он какой-то. Глаза потухшие. Хотя кто его знает, вот попаду в плен, какие у меня глаза будут? Тьфу, тьфу три раза! Не дай бог!

Конвоиры – двое молодых солдат шли по бокам и держали оружие в руках. Третий, постарше, со знаками гефрайтора и автоматом на шее сидел на облучке повозки, двигавшейся позади колонны. Он явно скучал, управляя лошадью. Вел себя спокойно, колонну не торопил. Тем не менее зорко осматривал окрестности. Повозка чем-то загружена. Неплохой трофей для нас будет.

Сергея не сдался. Задумал что-то. Зная его, можно даже не гадать, что именно. Рвануть хочет, место выбирает. Немцы колонну ведут по правой стороне дороги, ближе к обочине, держа левую сторону свободной для проезда. Тут до леса всего десяток метров пробежать. Ох, Сергей, не спеши, пройди еще чуть-чуть, всего-то метров тридцать осталось. Дай народу потренироваться.

Еще раз уточнил бойцам, кто что делает. Мы замерли в ожидании. Немцы, не торопясь, приближались к нам. Вот наконец они рядышком, почти напротив нас. Тихо кашлянули винтовки снайперов, и следом за ними к упавшим конвоирам выскочили егеря, беря под контроль обстановку вокруг. Вся операция заняла всего несколько секунд.

Сергея не растерялся. Сразу бросился к упавшему с пулей в голове конвоиру и подхватил его винтовку, готовясь дать бой остальным конвоирам. То же самое сделали и летчики, вдвоем бросившись ко второму конвоиру, подобрав его винтовку с земли и разворачиваясь к повозке. Вот воевать-то было уже не с кем.

Действуя сноровисто и слаженно, мои парни, проконтролировав немцев, осмотрели груз и побросали трупы на брезент повозки. Тут из леса появился я, весь такой красивый и лохматый. Нет, я, конечно, мог появиться и раньше, но мне хотелось посмотреть со стороны на реакцию бывших пленных. Она меня откровенно порадовала. Трое из четверых оказались нормальными парнями, а вот с четвертым была проблема. Убитый он какой-то, как бы чего не выкинул. Да снайперы и пулеметчики, оставшись на месте, хоть у них сейчас и другая задача – дорогу в оба конца держать от лишних свидетелей, прикроют.

Сергея, опознав меня, обрадовался немислимо.

– Я как знал, что тебя встречу! – не выпуская из рук винтовки и пытаясь меня обнять раненой рукой, сказал он.

– Здорово, бродяга! Сергей, времени мало, потом поговорим, давай бери своих товарищей по несчастью и бегом в лес. Там вас встретят. Нам кое-что еще сделать надо, – ответил я, подталкивая Акимова в лес.

Все поняв, он позвал за собой остальных.

Долго задерживаться здесь было нельзя. В любое время могли появиться немцы, а мы тут как тополя на Плющихе. Метелкин доложил, что в повозке продовольствие – несколько туш свиней. Взяли в качестве трофеев автомат, две винтовки (на руках у бывших пленных), гранаты и немного патронов. Отличный приварок. Поручил двум бойцам отогнать повозку в лес и там, закопав трупы, ждать нашего возвращения, ведя наблюдение за перекрестком дорог. В случае необходимости парни должны были, бросив повозку, отступить в сторону лагеря. Хоть и были у меня на нее планы, но егеря мне были больше важны. Где и когда я себе еще надежных и проверенных людей найду?

Дождавшись, когда повозка скроется за поворотом дороги, мы вернулись под защиту леса. Сидеть и ждать кого еще в мои планы не входило, и так наследили. Немцы наверняка будут искать повозку и пленных. Не найдя, могут и лес прочесать. Ладно, что сделано, то сделано. Как там Скарлетт О'Хара из «Унесённых ветром» говорила: «Об этом я подумаю завтра»? У нас дел невпроворот.

Дав команду на выдвижение, мы вслед за головным дозором «сделали ноги». Сергей, не расставаясь со своим трофеем, бежал рядом со мной. Остальных бывших пленных контролировали снайперы. Благополучно отойдя от дороги и обойдя вырубку, не доходя нескольких километров до базы, дал команду на привал. Нужно было дать людям отдохнуть, а заодно решить пару вопросов.

Во-первых, тащить бывших пленных на базу глупо. Мы с ними и здесь вполне можем познакомиться и переговорить. Кроме Сергея, я никого не знал. В деле не видел. Водку не пил и баб не лапал. Пусть летуны и показали себя с хорошей стороны и винтовку мы им оставили, но лучше перебдеть. Поживем, пожуюм, а там уже допустим до тайн. Тем более что пехотный

лейтенант мне все больше не нравился. Не знаю почему, но не нравился, и все тут. Вроде и бежал, как все, и даже более чем споро, словно всю жизнь по лесам только и бегал. Препятствия огибал умело, ни одной ветки не поймал, ноги правильно ставил. Вот только постоянно оглядывался по сторонам, словно ориентиры искал и запоминал. Вообще, мутный он какой-то.

Во-вторых, несмотря на то что в дупле нашлась банка в солидоле, уверенности в том, что база не захвачена врагом, не было. Мало ли кто мог еще спрятать банку. Хотя и не хотелось в это верить, но а вдруг. Взяли немцы, например, Егорова или кого другого из его команды, а тот взял да раскололся «за банку варенья и мешок печенья», подставляя командира. Или немцы вычислили парней и штурманули базу за то время, пока банка мирно меня дожидалась. Поэтому лезть туда без разведки глупо. И кандидатур для этого у меня только две – Максимов и Одинцов. Они базу в свое время нашли, нас на нее вывели, вот и сейчас сходят и посмотрят, что к чему. А мы тут с тыла прикроем, если что.

Отозвав парней в сторону, поставил им задачу и благословил на подвиг ради общества. После их ухода поднял оставшихся и на всякий пожарный переместил слегка назад и в сторону. Исходя из известной пословицы: «Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет».

Оттягивать разговор с бывшими пленными не имело смысла. У меня в распоряжении не менее часа, пока вернется разведка. Вот и надо использовать их по максимуму – познакомиться и пообщаться с новыми членами отряда. Собрав вокруг себя бывших пленных, представился, попросил представиться летчиков и пехотинца и, главное, предъявить, если есть, документы, подтверждающие их личность.

Документов ни у кого не оказалось. Вот только у Сереги морда была довольная, как у обожравшегося хозяйской сметаной кота. Видно, где-то припрятал.

Оба летных младших лейтенанта Петр и Михаил были недавно выпущены из училища. Совсем еще пацаны, раньше они мне казались старше. Повзрослевшими их сделали ранения и выпавшая доля. Грязные, в порванном обмундировании, потные, осунувшиеся, но с блестящими от радости глазами они стояли передо мной. Они были земляками, из одного училища, одного курса и одного полка. За несколько недель до начала войны прибыли из училища в Бобруйск. Были зачислены в состав 3-й эскадрильи 24-го Краснознаменного скоростного бомбардировочного авиационного полка 13-й бомбардировочной авиационной дивизии. Летали на «СБ». 22 и 23 июня в составе полка бомбили скопления войск и артиллерийские позиции врага в районе Бяла – Подляски, Коссова и Сувалок. Во второй половине 23 июня экипажам была поставлена задача на нанесение бомбового удара по скоплению немецких войск в районе Бреста. Бомбардировщики шли без истребительного прикрытия. На подходе к цели были атакованы истребителями противника. Отбивались как могли, но не повезло. Петра ранило в голову. Их машины были сбиты, экипажам удалось дотянуть до пуши и выпрыгнуть с парашютом. Покидая самолеты, получили ожоги рук. Ветром экипажи разнесло в стороны. После приземления некоторое время скитались по лесу, пытаясь собраться вместе. Нашли только друг друга и бортстрелка. Несколько раз натыкались на немцев, но благополучно ушли от них. Так и блуждали по лесу, пока не встретились с группой наших раненых, скрывавшихся от немцев. На шестнадцать раненых у них было две винтовки и четырнадцать патронов. Старшим над ними был военфельдшер. Они два дня ждали подмоги, но ее не было. Медикаментов и продовольствия осталось мало. 26 июня было принято решение добыть продовольствие на хуторах. Из ходячих были летчики с бортстрелком и еще два красноармейца. Они и пошли. Один из красноармейцев оказался местным и выступил в качестве проводника. На подходе к хутору попали в засаду. Оказать сопротивление не успели. В ходе драки были скручены и избиты. У пленных отобрали оружие и документы, после чего доставили на хутор и заперли в сарае. Пленных не допрашивали, просто держали под охраной в сарае. Сегодня утром всех командиров, находившихся в сарае, собрали в колонну и отправили в Брест. Бортстрелок и красноармейцы остались на хуторе.

Лейтенант-пехотинец представился Буданцевым Игорем Николаевичем. Был он из Москвы. Учился в педагогическом институте. Осенью прошлого года был направлен на краткосрочные курсы в военное училище. По окончании их был направлен в 62-е УР. Войну вместе с тремя бойцами своего взвода встретил у Западного Буга. Оборону держал в недостроенном доте. Из оружия у них был станковый пулемет и несколько винтовок. Патронов, продовольствия и воды было мало. Личное оружие Игорю выдать не успели. Связи с соседними дотами и командованием не было. Пехотного прикрытия тоже не имели. Держались до вечера. Ночью удалось связаться с соседями. От них узнали, что есть приказ командования УРа отступить, так как немцы уже в нашем тылу. Решили вместе выходить к нашим. В пушу удалось пробраться без боя. По всем дорогам двигались колонны врага. Куда идти, никто не знал. Поэтому двигались общим направлением на восток. Питались чем придется. Ночевали в оврагах или рощах. С местными не связывались. Несколько раз видели, как они сдавали немецким войскам наших пленных. Несколько дней назад рано утром в районе Каменца на их группу напали немцы. Игорю от них удалось скрыться, так как он спал в стороне от всех. Что случилось с остальными, не знает. Оставшись один, решил идти дальше. Вчера вечером попал в плен. После обыска немцы привели его на хутор и засунули к пленным в сарай. Утром присоединили к остальным командирам.

В принципе все было понятно. Рассказанные истории достаточно правдоподобны. Летунам я верил полностью. Тем более что на хуторе есть еще три свидетеля их походов. А вот с Буданцевым сложнее. Есть в его рассказе некоторые нестыковки. Например, про ночевки в поле и лесу. Где вы видели, чтобы человек после нескольких дней блужданий был такой чистый и опрятный? Нигде! Вот и я о том. Грязный он будет весь! Форма помнется и испачкается, руки будут в грязи, как ты ни отмывайся, все равно где-нибудь да останется. Хотя бы под ногтями, а тут ничего такого. Хоть и не нравится он мне, но пока рано о чем-то говорить. Предъявить нечего. Посмотрим за ним, а там видно будет.

Расспрашивать Сергея о его скитаниях не стал. Успею, у нас с ним разговор будет долгий. Пока начнем строить товарищей. Объявил, что я им очень даже верю. Но есть несколько моментов, которые они должны понять и принять во внимание.

– Лично я, кроме лейтенанта Акимова, никого из вас не знаю. Документов, подтверждающих вашу личность и воинские звания, нет. Тех, кто бы мог здесь подтвердить ваши рассказы о попадании в плен, поведении на поле боя, тоже нет. Поэтому я могу предложить следующее. До подтверждения ваших рассказов свидетелями или подтверждения личности несколькими командирами вам придется повоевать в качестве обычных бойцов, без ношения знаков командирского отличия. Никаких привилегий для вас не будет. Все мои приказы исполнять в соответствии с требованиями Уставов. В случае неповиновения – расстрел. Цацкаться ни с кем не буду.

– Статья 193.3 Уголовного кодекса РСФСР. Неисполнение военнослужащим законного приказа по службе, если это неисполнение имело место в боевой обстановке, влечет за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок не менее трех лет, а если оно повлекло за собой вредные последствия для боевых действий – высшую меру социальной защиты. С учетом того, что для отряда, находящегося в тылу врага, любое деяние несет вредные последствия, то действия командира будут совершенно правильными, – процитировал и прокомментировал статью Акимов. До этого времени Серега в мои дела не вмешивался. Молча выполнял все, что говорили. Понимал, что на мне и так куча дел и ответственности висит. Хоть и трудно ему было сдерживать свои эмоции от столь неожиданного освобождения. Но он терпел, ждал, когда я освобожусь и уделю ему время и внимание.

– Товарищ лейтенант! А до какого времени будет идти проверка?

– До подтверждения ваших показаний или до выхода к нашим войскам. Еще вопросы есть? Вопросов нет! Прекрасно! Прошу привести форму одежды в порядок, сняв кубари. Хра-

нить их вы можете у себя. Сереж, винтовку отдай Михаилу, тебе Паршин автомат отдаст. Вы сможете с винтовкой управиться?

– Вполне. Бинты стрелять не помешают, – ответил Михаил.

– Вам, Буданцев, чуть позже тоже оружие найдем, – ответил я на не высказанный лейтенантом вопрос. Хотя и можно было потрянуть бойцов на излишки, но не лежала у меня душа к лейтенанту. Пусть подождет. Разберемся, посмотрим на него, тогда и выдадим.

Парни, помогая друг другу, сняли кубики. Паршин отдал летчикам и Акимову снятые с немцев сбруи. Надев их, они приобрели достаточно воинственный вид. С обмундированием вопрос позже решим. Переоденем парней, на базе и в лагере есть небольшой резерв формы, а пока требовалось оказать им медпомощь. Пригласив Усольцева, попросил его оказать помощь летчикам. Он перебинтовал и обработал летунам раны. В принципе ничего страшного – ожоги не сильные и подживающие. Дней через пять заживут. Главное, что им очень вовремя оказали помощь. Пока делали перевязки, парни сдерживали свои эмоции, но было видно, что больно, и очень. Раной на голове Николай заниматься не стал, оставил для Самойлова. Квалификация не та. Петр уверил, что там ничего страшного нет, пуля прошла по касательной, содрал кожу. Сергей от перевязки отказался, сказал, что потом сделает. Вообще, несмотря на ранения, плен, освобождение и кросс по пересеченной местности, держались парни достаточно бодро и уверенно. Хотя все это сил им явно не прибавило. Единственное, чем я им сейчас мог помочь, так это покормить. Достав из рюкзака и вскрыв ножом пару банок тушенки, предложил перекусить. Взятými напрокат у снайперов ложками парни ели аккуратно, не торопясь, хоть и видно было, что голодные. По полбанки на человека совсем немного, но пока и этого достаточно. А то с голодухи еще с животом что случится, а оно мне надо? Двигаться как следует не смогут, начнут искать укромные места для надобностей, наоставляют следов для немецких поисковиков. Ведь поленятся же все закопать и замаскировать.

Старшим над штрафниками я поставил Паршина. Парень он рассудительный, спокойный, а главное – все замечает и понимает. Вот и присмотрит за «найденными». Пока лейтенанты ели, я успел его проинструктировать, в том числе и по Буданцеву.

Глава 5

Встреча с Егоровым

Поговорить с Сергеем нам так и не дали. Разведка вернулась значительно раньше, чем рассчитывал. Мои посланцы прибыли не одни, с ними пришел Егоров и незнакомый мне младший сержант-пограничник. По словам Максимова, они встретили их на полпути к базе, направляющимися на разведку. После встречи их планы изменились, и бойцы двинулись к месту нашего ожидания. Никого на месте не найдя, оставили группу там, а сами отправились на наши поиски. Место лежки нашли по следам. Разрешив Александру привести сюда остальных, стал расспрашивать Григория о положении дел. Радости Егорова, увидевшего знакомые лица, не было предела. Да и мне было приятно видеть их живыми и здоровыми.

– Товарищ лейтенант! Мы вас все время ждали! Делали все, как вы написали!

– Молодцы. Как на базе?

– Все хорошо. Наши все живы и здоровы. У пограничников шесть раненых. Мы их 23-го в лесу нашли. Восемь человек. Они с заставы после боя отступили. Старшим у них вот младший сержант Попов Семен Григорьевич.

– Правильно сделали. Что вокруг творится, знаете?

– А как же! Охрану и разведку ведем постоянно. На дорогу наблюдателей высылаем. Немцы кругом. Колонны прут и прут все время.

– Мы в журнале наблюдений все отмечаем. Когда, сколько, какие силы и опознавательные знаки на транспорте, – вмешался в разговор Попов.

– За хутором наблюдение вели?

– И за ним, и за лесоразработками! Даже отметились. Недалеко от хутора группу немцев прищучили. Они тут за нами пытались хвостом идти. Видно, наши следы нашли. Ну, мы их с ребятами из засады взяли в ножи и бесшумки. Всех пятерых перебили.

– Пленных не взяли? Они бы нам оченьгодились.

– Не до того было, товарищ лейтенант. Виноваты, конечно, но зло взяло. Они тут как хозяева ходят, а мы скрываться на своей земле должны. Немцы были сильные и ловкие, с лесом хорошо знакомые. Чуткие, но против нас хлипковаты оказались. Пограничники, молодцы, засаду хорошо приготовили. Семен их из винтовки сначала проредил. Пулеметчика и еще одного, самого шустрого, снял. Затем уж ребята с ножами да лопатками на дозор напали. Остальных перебили, когда те, от огня прячась, по сторонам попрыгали. Оружие и документы у павших собрали, а трупы в болото спустили. Убрали за собой, а потом еще круги по лесу накручивали, чтобы следы сбить.

– Молодцы. Немцы потом никого на поиски не посылали?

– Посылали. Еще десять человек, таких же ловких, с двумя пулеметами. Место боя и своих они быстро нашли, но дальше по нашим следам не пошли. Мы там пару закладок сделали, чтобы посторонние не шлЯлись. Да после боя по той дороге несколько дней не ходили.

– Правильно сделали. Сами придумали или кто подсказал?

– Сами. Семен предложил. Немцы на хуторе 23-го в обед появились. Мы как раз со склада часть боеприпасов к себе несли, когда их увидели. Три гусеничных бронетранспортера с солдатами и легковой автомобиль с несколькими офицерами и гражданским. Они там у могилы о чем-то разговаривали. Ходили вокруг, рассматривали, фотографировали. Потом на хуторе что-то долго искали. Нашли они что искали или нет, не могу сказать. Но когда сели в машину, то у одного из офицеров в руках наполненный вещмешок был. Легковушка в сопровождении бронетранспортера уехала. А те, кто остался на хуторе, стали обустриваться. Шлагбаум поставили, пулеметчиков у болота и на чердак загнали. Часть, разбившись на группы,

стала все вокруг прочесывать. Форма у них пятнистая была. Во всем остальном вроде такие же, а вот накидки у них пятнистые, заметные, и каски с сетками. Немцы туда веточки вставляли. К вечеру еще несколько грузовых машин приехало и наш санитарный автобус. В одной машине восемь наших пленных привезли. Все парни с петлицами войск НКВД были. Их потом в сарае держали. Сначала думали их отбить, да Семен удержал. Силы не равные.

– Правильно сделали, сержант. С вашими силами даже думать об этом не стоило. Только наблюдение и разведка.

– Мы так и делали, товарищ лейтенант. Единственный раз отметились только 24-го, когда немцев взяли. А так тихо сидели и разведку вели, – доложил Семен.

– Вот и я о том. Тихо сидели и смотрели, что там творится, – продолжил Егоров. – Немцы на ночь два поста дополнительно у леса выставили. Утром 24-го приехали их офицеры, несколько пустых грузовиков и на двух наших автобусах кучу гражданских привезли, чистых таких, в праздничных костюмах, с мамзелями.

– Поляки все из местных, – вставил Попов. – Я многих из них до войны видел. Все неподалеку по хуторам живут. Только человек пять откуда-то еще. Двое так вообще с ранениями, и немцы с ними как со своими общались. Эти раненые там все и показывали остальным.

– Ага. Немцы недалеко от могилы всех высадили. Машину санитарную подогнали, а из грузовиков гробы выгрузили. Наших пленных в противоипритных костюмах и перчатках из хутора пригнали и заставили могилу раскапывать. А сами все фотографировали и снимали на киноплёнку.

– Когда могилу разрыли, оттуда трупы стали доставать и на землю раскладывать. Немецкие медики трупы осмотрели, сфотографировали. Потом поляков допустили смотреть. Тут поляки вой подняли. Узнали кого-то, а немцы их, значит, успокаивали. Те трупы, кого опознали, в гробы уложили и в грузовики загрузили. Остальных обратно в могилу сложили, закопали и крест поставили. Немецкий офицер молитву прочитал, а потом приказал пленным накидки снять, а немцам, что охрану пленных вели, дал команду к машинам идти. Поляки, как увидели наших, так озверели, суки. Они лопаты с земли подхватили и на парней набросились. Побили всех! Порубили и забили! Парни даже отпор дать не смогли! Не ожидали они, что так получится. Только и смогли пару поляков с ног сбить. Массой их задавили, а бежать было некуда! Охрана в стороне стояла, но в расправу не вмешалась. На камеру все снимали. Когда все закончилось, немцы помощь оказали тем полякам, кому от наших досталось, и, погрузив в автобусы, увезли. С ними и грузовики с гробами уехали. Трупы наших пленных немцы в лесу побросали. Мы их потом как положено похоронили.

– Да. Дела, – только и смог сказать я.

– Офицеры и санитарный автобус на хуторе недолго пробыли, – продолжил свой рассказ Егоров. – Они в сопровождении броневика и грузовика с солдатами уехали. К вечеру на хутор в сопровождении мотоциклистов пришли еще машины. Грузовик с солдатами, радиостанция с прицепом, легковушка с офицерами. Два броневика. Один с солдатами, другой поменьше размером. У него еще антенны вокруг кузова стоят. С тех пор они там так и обитают. Солдаты сменили тех, кто стоял до этого. Из пятнистых человек десять осталось. Остальные уехали. Прибывшие солдаты антенны растянули и охрану несут. По лесу не ходят. Грузовики и мотоциклисты куда-то постоянно выезжают. Бывает, мотоциклисты в день по несколько раз по дороге туда-сюда катаются. Офицеры всего два раза в сопровождении броневика с солдатами выезжали.

– Там еще несколько больших машин с крытыми деревянными кузовами были. У них еще антенны странные наверху. Крутящиеся. Позавчера они с частью солдат и мотоциклистов уехали, назад не вернулись, – дополнил доклад пограничник. – Минных полей и колючей проволоки вокруг нет. Мы там все проверили. Взять бы их, а, товарищ лейтенант? Пока солдат мало на хуторе осталось.

– Посмотрим. Вы мне лучше расскажите, как ухитрились все так прекрасно рассмотреть?

– Нашли мы, товарищ лейтенант, тропинку через болота. Лето сухое, болота подсохли. Вот и открылись тропки и проходы. Мы по ним можем почти к самым постройкам подобраться. За въездом на хутор и дорогой наши наблюдатели смотрят.

– Как с охраной?

– Немцы днем посты с пулеметами в лес выдвигают, а к ночи ближе к хутору размещают. Когда часть солдат уезжает, то в лес еще один пост выставляется. Обычно на постах по три человека с пулеметом. Один из тех, кто в лесу, обязательно из владельцев пятнистой накидки. Вчера посты почему-то усилили. Стало по пять человек. Ни одно «пятнистого» нет. На въезде у шлагбаума и около гати посты стационарные. Еще двое часовых стоят у радиостанции и дома, где живут офицеры. Кроме офицеров и дежурной смены, к радиомашине никто не подходит. Смена радистов по четыре человека. Дежурят по шесть часов. Еще один обслуживает электростанцию. Он же выдает водителям бензин. Бензин для машин и генератора привезли на грузовике в двухсотлитровых бочках. Они сложены в стороне от хутора в специально выкопанной яме под маскировочной сеткой. Склад в прямой видимости у часового радиомашин. Немцы туда ходят с канистрами.

– А мы его и не видели. Хорошо замаскировали, а что у них с питанием?

– Пользуются летней кухней, той, что у сарая в глубине хутора, – ответил Егоров. – Продукты немцы с собой привезли. Повар из солдат. Столовую оборудовали рядом с сараем как продолжение навеса. Едят в две смены. Сначала радисты, потом остальные. Офицерам и дежурным радистам носят в судках. Носит один и тот же солдат. Перед тем как открыть дверь радиомашин, часовой обязательно туда стучит и предупреждает. Телефонная связь установлена между радиорубкой, постами на въезде и у болота, офицерским домиком и, похоже, кто расположен на крыше сарая.

– Что у них с тяжелым вооружением?

– Пулеметы на посты они с бронемашин сняли. Минометов не видели.

– Ясно. А что с лесозаготовками?

– Они тут еще до войны были, – ответил Егоров. – На строительство укрепрайона наши тут стволы брали. За несколько дней до начала войны тут все организовали. Немцы 24 июня туда приехали с несколькими гражданскими в форме без погон. Осмотрели и уехали, а на следующий день немцы пленных пригнали. Те лес валят, а немцы на машинах вывозят.

– С пленными, что там работают, не пытались установить связь?

– Пытались, но лучше бы этого не делали! Моисеева помните, из третьего взвода? Так вот он не выдержал и пополз с ними поговорить. Там как раз бригада рядом с нашей лежкой работала. Ну и начал из кустов их звать в лес бежать. Говорил, что прикроет их отход. Да куда там! Они ни в какую не стали этого делать. Кричали, чтобы сам к ним выходил и сдавался, а в это время с флангов заходили. Они его в плен чуть не взяли, да еще и немцев на помощь позвали! Еле убежал! Суки, не хуже немцев за ним бегали! Мы успели на их пути растяжку поставить. Двое подорвались. Только этим и остановили! Работают, суки, не покладая рук. Немцы им жрачку дают. Сначала-то их всех грязных привезли, а вечером заставили помыться и в нашу чистую форму переодели. Ее на грузовике немец, что в форме без погон был, привез. Немцы их от наших, похоже, охраняют! Вот такие дела. Что же это творится-то? А? Наших же врагу сдают, суки! За кормежку продались! По дороге каждый день наших пленных колоннами к Бресту гонят. Избитых да раненых. Сразу видно, что ребята не сами сдались. А эти гады своих же хозяевам сдать хотели.

– Знакомых никого среди них не видели?

– Нет. Из нашего полка никого не видели. Там в основном хохлы да поляков немного. Еще с Кавказа и Средней Азии есть, но эти отдельно от остальных спят. Остальные бьют их.

– Понятно. Что на базе?

– Все нормально. Нас с пограничниками всего сорок пять человек. С нашего и третьего взвода, радисты из НКВД, ездовые с транспортной роты. Они при складе были, а когда немецкие самолеты налетели да коновязи разбомбили, к нам и пристали.

– Много людей погибло?

– Не особо. Из гражданских никто не пострадал. Вы же тогда в субботу для семей проход организовали. Вот они на хутор и перешли, а немцы только лагерь и бомбили. Оба палаточных городка спалили. Ездовых и несколько человек из роты побило. Потом всех в воронке похоронили. Остальные в лесу успели спрятаться. Бомбежка кончалась, ротный да старший политрук Почерников Иван Михайлович людей собрали. Гражданских и детей в тыл на автобусах и машинах отправили. Многие ехать не хотели, но Иван Михайлович настоял на своем. Всех отправил. С ними еще несколько младших политруков и бойцов в охране поехали. Оставшиеся командиры и бойцы на позиции пошли. Ротный-то наш нам приказал по вашим указаниям действовать и склад охранять от диверсантов. Не просто так немцы бомбили. Ребята, что под бомбежкой были, говорили, что кто-то из леса сигнальные ракеты в сторону лагеря пускал. Вот мы весь день на складе и пробыли. Транспортная рота к нам за боеприпасами несколько раз приезжала – и колонной, и поодиночке. Раненых привозили. Полк-то оборону у Буга держал. Говорили, что первому батальону очень досталось. Да и остальных тоже сильно проредили. Много народа побили. Последний раз подводы уже вечером пришли. Раненых привезли. Загрузили патроны и уехали. Ночью за ранеными машины пришли, забрали всех. Нас звали. Сказали, что немцы фронт прорвали. Брест еще в обед захватили, и наши войска к Пружанам, Жабинке и Кобрину отходят. Полк тоже к Пружанам отходил. Наш комполка товарищ полковник Матвеев остатки двух полков дивизии возглавил. Мы бы поехали, да раненых размещать уже было некуда. Легкораненые, те еще днем пешком в тыл подались. Мы с парнями решили к базе отходить. До утра на складе пробыли. Разведку к дороге послали, а там уже немцы сплошным потоком идут. Ну а дальше вы знаете. Мы без вашего разрешения со склада часть боеприпасов на базу перенесли. На всякий случай, а то вдруг кто еще чужой найдет.

– Молодцы. Правильно все сделали. Объявляю вам благодарность.

– Служим Советскому Союзу, – браво ответили бойцы.

Отпустив бойцов общаться с остальными, достал блокнот и, начертив схему хутора, задумался. Вести отряд на базу теперь не имеет смысла. Егорову я доверяю полностью. Да и Попов вызывает доверие. Хоть и не удалось сразу опросить его, видно, что парень наш. Такие не предадут. Имея на руках шесть раненых, не бросил их. Связался с моими парнями. Не сидел сиднем, вел активную разведку, принял активное участие в уничтожении поисковой группы врага. Как такому не верить? А поговорить – потом еще успеем наговориться. Два дня как минимум у нас есть. Они вместе с Егоровым вполне справятся с охраной базы и продолжат разведку и наблюдение. Ну а мы за это время проверим данные и подготовимся к удару по немцам. Уходить просто так, не уничтожив радицентр и лесозаготовки, было нельзя.

Некоторое время Сергей не мешал моим размышлениям, наблюдая за встречами бойцов. Но потом не выдержал:

– Ты мне ничего не хочешь рассказать? Ведешь себя словно не родной. Ты мне только одно скажи – ты в наших частях служишь? Чего тогда скрывал от меня?

– Прости, Сереж. За всеми этими делами и расспросами не было времени с тобой поговорить. А по форме так получилось.

– Да я понял. Это так, для проформы. О чем ты там мозговал?

– Есть тут один хитрый хуторок с немцами. По внешнему виду там расположен немецкий радицентр.

– Это я понял из рассказа твоего бойца. Если тут собраны все твои силы, то нам его не взять. Там немцев человек сто, не меньше.

– Тут не весь отряд, а только часть, и не самая худшая. Третий моего взвода. Остальные в другом лагере. Есть там и еще кое-что. А если насчет немцев, то мне кажется, что там расположено подразделение ближней радиоразведки и среди его охраны есть как минимум одно подразделение СС-айнзацгруппы или одна из ее команд.

– А что это такое?

– Специальная команда, подготовленная как раз таких, как мы, гонять. Здесь, похоже, действует айнзацгруппа В.

– Ты-то откуда все это знаешь?

– Читал в свое время некоторые материалы. Но не это главное. Ты обратил внимание на то, что немцы заигрывают с поляками. Две недели назад мой взвод здесь, на хуторе, уничтожил польскую банду и прикопал их трупы. А немцы показательно провели опознание трупов и передали их родственникам. Все это сняли на киноплёнку. Как думаешь, что будут делать поляки, когда им покажут такое вот кино и сопроводят комментариями о зверствах большевиков против польского населения в Белоруссии?

– Резать нас будут! Что же еще? До этого отношения были не очень хорошие, а теперь еще хуже будут!

– Вот и я о том же. Да еще поляки в немецкие войска потоком служить пойдут. Вот такие-то, брат, дела.

– Так надо что-то делать!

– Надо, но что именно, я пока не придумал.

– А по лесозаготовкам?

– Похоже, там немцы собрали всяких отщепенцев, которые на них ударно работают. Их там порядка ста человек, при небольшой охране.

– Получается, там одни предатели и мы их просто так оставим?

– Нет, конечно. В нашем отряде около ста шестидесяти человек. У нас есть два объекта, расположенные недалеко друг от друга и которые надо уничтожить одновременно. В противном случае они поднимут тревогу и вызовут подмогу. Если с помощью лесозаготовителей особо торопиться не будут, то с хутором наоборот. Если мы атакуем хуторок, то немцы сразу же пришлют ему на помощь минимум роту, а то и батальон. А это тебе не хухры-мухры. Перебрасывать их будут из наиболее близкой точки автотранспортом. Для этого будет задействовано порядка десяти машин или бронетранспортеров. Значит, нам надо будет делить наш отряд на три части. На тех, кто будет брать радиопередатчик, лесозаготовки и кто будет блокировать дорогу.

– Те, кто пойдет на дорогу, – смертники. Они не смогут долго бодаться с немцами.

– Как сказать. Если быстро возьмем радиопередатчик или просто его уничтожим, то есть шансы успеть собраться всем отрядом на дорогу и встретить врага во всеоружии. Да и заранее там все можно подготовить. Устроить засаду и минную ловушку. Под нее снаряды и минометные мины со склада использовать. Но это надо как следует обмозговать. Я так понял, что ты с нами?

– Конечно! Ты же мне место у себя в отряде, поди, уже подыскал?

– А как ты думал? По своей специальности пойдешь. Моим заместителем и особистом в одном лице. У тебя неплохо получается. Заодно остальных «чекистов» под свое командование возьмешь. Ими пока сержант Петрищев командует, он останется твоим замом.

– Уговорил.

– Ну, раз так, то давай поднимай личный состав, нечего нам тут расслаиваться. В лагерь пора. Там народ без хозяйского глаза остался. Все остальное на месте обсудим.

Высидеть здесь смысла не было. Все, что надо, я узнал. Главное, что по сравнению с прошлой историей члены семей командиров гарнизона крепости не попали в плен и эвакуированы в тыл. Что полк до вечера держал оборону на Буге и немцы не смогли с ходу его форсировать. Это дало время другим частям занять позиции и встретить врага более подготовленными. Что эвакуированы в тыл раненные. Что бойцы взвода поступили так, как я им писал. Что

база жива и действует. А раз так, то пора действовать. Вызвав к себе Егорова и Попова, рассказал им об их дальнейших действиях в ближайшие несколько дней. Договорившись о связи и обмене разведсведениями, мы расстались. Надо было видеть расстроенную физиономию Егорова, прощавшегося с нами. Вселенская печаль по сравнению с ним совершенно ничто.

Путь до лагеря прошел спокойно и без происшествий. Удалось даже повозку с собой притащить. Снимая с убитых форму и разбирая вещи в повозке, разведчики в сумке гефрайтора нашли пакет с документами пилотов, сопроводительным письмом и докладом. Из него стало понятно, что на хуторе размещен взвод охранного батальона, занимающегося отловом наших бойцов, почему захваченных в плен командиров отправили в Брест. Оказывается, есть специальное указание абверкоманды на этот счет. Возвращать летчикам документы я не спешил. Подождут. Все равно использовать их по специальности пока рано. Пусть руки заживут, а там посмотрим.

За время моего отсутствия народ усиленно занимался подготовкой к боям. Охрана лагеря неслась почти образцово. Мы вовремя были обнаружены и опознаны. Серега был приятно удивлен таким действием. Пришлось его разочаровать, рассказав о ночном происшествии. Нагрузив заодно разбором полетов и воспитательным процессом бойцов отряда. Тем более что ст. 193.11 Уголовного кодекса РСФСР конкретно говорила, что надо делать в таких случаях, и я собирался поступать в соответствии с ним.

«Нарушение военнослужащим уставных правил караульной службы и законно изданных в развитие этих правил особых приказов и распоряжений, не сопровождавшееся вредными последствиями, влечет за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок до шести месяцев, при смягчающих же обстоятельствах применяются правила Устава дисциплинарного.

То же деяние и при том же условии, если оно было учинено в караулах, имеющих посты у арестованных, у денежных кладовых и ящиков, складов оружия, огнестрельных припасов и взрывчатых веществ, а равно в караулах, имеющих особо важное государственное или военное значение, влечет за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы до одного года.

То же деяние, сопровождавшееся одним из вредных последствий, в предупреждение которых учрежден данный караул, влечет за собой:

если оно было совершено в мирное время, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года;

если же оно было совершено в военное время или в боевой обстановке, – высшую меру социальной защиты,

с понижением, при смягчающих обстоятельствах, – до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет».

Собрать судебное заседание проблем не было. Все на месте. Всего-то трудов пригласить к нам с Акимовым в качестве члена суда одного из летчиков. Что мы и сделали. Заседание прошло при всем личном составе, свободном от караула. Суд был скорым и праведным. Сон на посту, конечно, предательство, и за него положена высшая мера социальной защиты, но пришлось идти на смягчение приговора. В отряде и так нехватка бойцов, а тем более тех, кто обстрелян и прошел огонь обороны и прорыва. Из крепости смогли вырваться самые отборные и удачливые бойцы, раскидываться ими не имело смысла. Бойцы уже давно простились с жизнью, борясь с врагом в крепости, поэтому спасение из совершенно безвыходной ситуации полного и надежного окружения превосходящими силами, кажущаяся свобода и безопасность в лесу сыграли с людьми злую шутку, они расслабились от длительного напряжения. По большому счету весь отряд и без того смертники. Максимальную выгоду с суда мы уже вынесли. Народ взбодрили. Напомнили о том, что не в бирюльки играем. Любое нарушение несения

службы приведет к массовой гибели людей, а раз так, то приговор был не так уж и строг. Считать штрафниками до выхода к своим войскам. Свою вину они должны искупить в бою.

С чувством выполненного долга мы с Серегой уединились у моей палатки. Достав из запасов тушенку и попросив Никитина организовать чай, мы засели за ужин и заодно почесать языком.

Глава 6

Рассказ Акимова

– Серег, расскажи, что с тобой было с того момента, как мы расстались?
– Если все рассказывать, то будет долго и не всегда интересно, – набитым едой ртом ответил Акимов. – Прости, два дня не ел, а тут увидел – не выдержал.
– Смотри особо не наедайся, а то живот прихватит. Время пока есть, так что рассказывай не торопясь.

– Не учи ученого. Ночью, как мы с тобой расстались, я сначала в штабе полка был. Поступил приказ усилить бдительность на охраняемых объектах. Всех подняли и отправили на объекты. Уже под утро в два часа командир меня отправил с группой бойцов комендантского взвода к железнодорожному вокзалу с проверкой. Там должен был эшелон с боеприпасами в Кобрин уйти, а тут поступило сообщение о каких-то посторонних людях в районе вокзала и склада с оружием. До вокзала мы быстро добрались. По дороге встретили колонну крытых груженых автомашин. Какая-то воинская часть двигалась на выезд из города. Что удивительно, война еще не началась, а они со светофильтрами на фарах ехали! На вокзале внешне все было в порядке. Военных и гражданских что в зале, что на перроне было много. Ждали поезд на Высокое и Пружаны. Эшелон с боеприпасами ушел вовремя. Мы собирались назад возвращаться, как вдруг послышался вой самолетов, грохот артиллерии в западной части города. Народ выбежал на привокзальную площадь поглазеть на происходящее. Я сразу понял, что началась война. Вскоре в городе и Северном городке стали рваться снаряды. Что делать, никто не знает, все мечутся без дела и толку. Мы оборону в здании вокзала заняли. Привлекли к этому всех военных. С оружием и боеприпасами сначала были проблемы. Потом из отдела милиции все выудили. У кого оружия не было – вооружили. Правда, одними «наганями», но хоть что-то. В это время на вокзал народ стал сбегаться. Женщины, дети, старики – в основном наши «восточники». Подходили и военные, те, кто в городе ночевал или из крепости вырвался. В большинстве своем бойцы, командиров всего несколько человек. У нас-то пока спокойно было, немцы даже не бомбили. В основном Северному городку и крепости доставалось. Диспетчер предложил поезд на Жабинку отправить, а с ним часть собравшихся. Связь между станциями работала. Связались с Жабинкой, нашли паровоз, собрали вагоны и отправили эшелон с беженцами. Одних отправили, а следом в три раза больше набежало. Железнодорожники еще эшелон готовить стали, да разве всех в один поезд посадишь?! И так в первый народ рвался, чуть ли не по головам лез, лишь бы уехать. Еле смогли народ удержать, до драки доходило. Людей прямо в теплушки и полувагоны грузили. Пришлось часть бойцов в сопровождение и охрану выделять. А народ все подходил и подходил. Тех, кто посильнее, стали отправлять пешком или на попутках.

Сами на привокзальной площади баррикады строили. Одиночных бойцов собирали. Связи ни с полком, ни с горотделом НКВД, ни с обкомом, ни со штабом армии не было. Отправил пару бойцов в штаб, а там одни пустые кабинеты да несколько бойцов охраны. Единственное, с кем связались, так это с облвоенкоматом. От них люди утром к нам подошли. Да что толку, тоже без оружия.

Около шести утра пришли бойцы, что рядом со станцией склад с трофейным оружием охраняли. Так они рассказали, что ночью, еще до войны, диверсанты, повязав охрану, захватили склад и практически все оружие оттуда на машинах вывезли. На помощь к ним так никто и не прибыл. Что делать с оставшимся оружием, никто не знает. Вот они к нам и пришли за помощью и указаниями. Ну а мы такому подарку были рады и оружием разжились. Никаких

указаний от вышестоящего командования так и не поступило, связные назад не вернулись. Вскоре связь с Жабинкой была прервана.

Вслед за пассажирским поездом удалось отправить стоявший на запасном пути грузовой состав с военным снаряжением. А потом прибежавшие с южной окраины города бойцы сообщили, что немцы прорвались в город.

Первый бой приняли на Привокзальной площади около девяти часов. Несколько групп немцев наступали с Московской стороны. С собой у них были станковые пулеметы и противотанковые орудия. А у нас только револьверы и винтовки, немного гранат и старенький «Максим» со склада. Долго удерживать позиции не удалось. Часть наших бойцов, вынося раненых, стала отступать в сторону Жабинки, ну а мы, прикрывая их, закрепились в здании вокзала. Покинуть его вовремя не получилось. Немцы нас окружили, хотя на железнодорожных путях шел бой.

– Не знаешь, кто там сражался?

– Нет, не знаю. У нас там такая солянка была, что и не разберешь, кто и откуда. Были и пограничники, и летчики, и артиллеристы, и милиционеры, и железнодорожники. Всех понемногу. Перед самой немецкой атакой к нам присоединился отряд из двадцати пяти парней. Они из города пришли, а из какой части, никто так и не успел спросить, а потом и некогда стало. Те, кто с нами немцев сдерживал у вокзала, отходили на восток. А те, кто на путях сражался, может, из Северного городка или из форта «Берг» отступали. Может, пограничники или кто из нашего полка от Тереспольского моста отступал. Не знаю и врать не хочу. Они еще эшелон с топливом взорвали. Да так, что взрывом несколько горящих вагонов в сторону Тереспольского моста толкнуло. Всю станцию огнем охватило. Пожарище на полнеба был. Даже бой на время прекратился. Нам бы тогда на прорыв пойти, да мы сгруппировались. Думали, что продержимся до прихода наших. В здании продержались около часа. Потом пришлось спускаться в подвал. Около полудня немцы захватили вокзал полностью, но мы их хорошо проредили и на площади, и у вокзала.

Сергей прервал свой рассказ, потянувшись за чаем. Выпив целую кружку горячего и крепкого чая, наполнив вторую, вздохнув, продолжил:

– Второй раз мы сгруппировались, когда в подвал спустились. Обстреливать немцев из него было невозможно. Окна находились не в стене, а были вырезаны в перроне, рядом со стеной здания вокзала. Свет попадал в подвал по наклонной. Для того чтобы стрелять, пришлось бы по пояс высовываться из него. Поэтому забаррикадировались недалеко от входов и оттуда уже и отстреливали врага. Там в принципе вполне хорошо обороняться можно было.

Сам подвал – лабиринт из различных помещений. Если бы он был единым, то было бы еще ничего. А так помещения размещались с трех сторон здания вокзала: с граевской, московской и восточной стороны. На восточной стороне через подвалы проходит капитальная стена, делившая их на две части, с граевской стороны котельная, а с московской – склады. Стена нас разделила на две части. Одной командовал Воробьев, а второй – лейтенант Шимченко. Мы нашли в стене небольшой лаз, через который и общались друг с другом. Я был с группой милиционеров.

Немцы как вокзал взяли, так стали уговаривать сдаться. Часть гражданских и железнодорожников вышла. Но мы продолжали отстреливаться, не давая врагу ворваться в подвал. Немцы через окна стали забрасывать вниз гранаты. Мы же, укрывшись за перегородками, от них не пострадали. Так, несколько человек осколки словили. Поняв, что нас не сломить, немцы напугать нас решили. Закрыли окна листами железа и лишили нас освещения. Хрен им на все свинячье рыло! Нашли чем пугать. Темнотой. Поискали по сусекам и нашли чем подсветить.

– А чем питались?

– В ресторанном складе продукты нашли. Карамель и печенье. Вот они в дело и пошли.

– Немцы часто атаковали?

– По несколько раз поначалу, а потом перестали. Мы бойцов у входов выставили. Как немцы появлялись, наши их на тот свет и отправляли. Ночь продержались, а утром нас газами травить начали. Немцы паклю, пропитанную горючим, кидали. Гады! Противогазов не было, так мы тряпки намочили и бой продолжали. Многие отравились, тошнило их очень.

– А как с водой? Я так понял, что была?

– Была. Сначала пили из системы отопления, а потом немцы снабдили.

– Это как?

– На второй или третий день в подвал стала вода поступать. Немцы через окна опустили шланги и стали закачивать внутрь воду. Вновь спасли нас перегородки, не дали воде сразу заполнить все помещение. Правда, считай, все продукты намочило. Мы плотики сделали и туда часть успели разместить. До этого продуктов мало было, а тут вообще, считай, крохи остались. Только сладости одни, а их много не съешь.

– Тебя когда ранило?

– 22-го, на площади. В первый раз снаряд недалеко взорвался, осколками зацепило. На гимнастерке рукав весь в дырочку был. Второй раз уже в ресторане. Пуля рикошетом, и снова в руку. Гимнастерку мне потом удалось найти в брошенном чемодане. Тогда и поменял.

– А как ты в плен-то попал?

– Как все. По-глупому. Сидеть и ждать, когда немцы нас перетравят, не захотел. Идти в плен не собирался. Вот и решил прорываться. Из бойцов у меня только двое оставалось. Остальные погибли еще 22-го. На троих у нас были мой автомат да две винтовки с десятком патронов. Был еще «ТТ», но к нему патронов не было. Я их к автомату использовал. О своем решении доложил командиру сектора. Он меня поддержал. Мои бойцы со мной пошли, да и сам Воробьев идти за нами хотел. Решили прорываться группами по несколько человек. С наступлением темноты через граевскую сторону удалось выйти из подвала. Удачно покинули город. На удивление тихо прошли, никого не встретили. В крепости шел бой, все внимание немцев туда было направлено. За городом я вспомнил про твой лагерь. Туда и стали пробираться, всю ночь шли. Заблудились слегка. Утро встретили недалеко от леса. Один из бойцов предложил остановиться у его знакомого поляка. Тот жил на хуторе неподалеку. Я, дурак, согласился. Нам бы в перелеске переждать, так нет же, потянул черт на сторону. Захотелось пожрать, узнать, что к чему, где линия фронта. День у него переждать, а ночью дальше идти.

Не доходя до хутора, напали на немцев. Одного из бойцов, что впереди с моим автоматом шел, убили сразу. А на нас бросились из кустов, сбили с ног и скрутили. Мы даже оружие с плеча снять, не то что применить, не успели. Такое ощущение, что нас специально ждали. Обыскали, отобрали оружие, ремни, вещмешки и на хутор в сопровождении конвоиров отвели. Засада на месте осталась. Их там еще человек пять с пулеметом было. Пока обыскивали, успел заметить. Нас как в хутор привели, так к таким же горемыкам в сарай заперли.

– Много вас там было?

– Командиров, кроме меня, еще трое, ты их всех здесь видишь. Бойцов там осталось еще человек десять, в том числе трое серьезно раненных. Всех задержали вчера ночью или сегодня утром. Сарай охраняют двое часовых.

– А почему вас на хуторе не оставили и с такой маленькой охраной в Брест отправили?

– Краем уха слышал, что унтер, командовавший на хуторе, получил приказ отправить всех командиров в Брест. Вот он и выделил троих солдат для конвоирования. Их на нас четверых вполне хватало. Сам видишь, из четырех только один целый.

– Да ты не оправдывайся. Я все понимаю. Как документы удалось сохранить?

– Я, когда на прорыв собрались, решил перевязку свежую сделать. В подвале среди нас фельдшер был. Вот его и попросил обработать рану и забинтовать руку вместе с удостоверением и комсомольским билетом. А когда немцы обыскивали, то их не нашли.

– Понятно все с тобой. Хитрюга.

Дальнейший разговор касался обсуждения наших ближайших планов. Поделился я с ним и своими наметками на будущее, показав на карте возможный маршрут движения и цели отряда. Пришлось приглашать на совещание в качестве консультантов летчиков. Естественно, доводить до них маршрут движения отряда и план дальнейших действий не стали. Зачем им это? Многие знания несут многие печали. Но вот кое-что уяснить лично для себя мне было нужно. Например, месторасположение аэродромов. Парни должны были знать, где располагались площадки, как они охранялись и что на них было. Не в вакууме же они жили, а в нормальном бомбардировочном полку. Где разговоры между летчиками никто не отменял.

Наше обсуждение затянулось и завершилось только глубокой ночью.

Глава 7

Хутор

Результатом наших ночных бдений стал план уничтожения вражеских объектов.

Несколько дней мы решили использовать для подготовки. Под руководством «панцерников» личный состав должен продолжать свои занятия, нарабатывая опыт проведения штурмов и действий во вновь созданных группах и отделениях. Старшими в лагере оставались Сергей и Ерофеев. Я же, собрав с собой егерей, погранцов, разведчиков, саперов и снайперов, должен был изучить и подготовить будущий театр боевых действий.

Первым на очереди стоял хутор, где содержались наши военнопленные. Что и было сделано на следующее утро.

К нему мы добрались с утра пораньше быстро и без происшествий. Бои хуторок миновали. Все постройки были целы, не считая одного из сараев, чья крыша была аккуратно разобрана. Видно, хозяева решили сделать ремонт.

Сразу брать хутор мы не стали. Решили понаблюдать и, в общем, правильно сделали. Его гарнизон составлял взвод во главе с унтер-офицером, а он службу знал. Немцы занимали два живых дома и несколько сараев рядом с ними. Спокойствие на хуторе охраняли четыре поста. Два парных на выездах из хутора и еще два с пулеметом прикрывали хутор со стороны леса. Кроме того, по хутору прохаживался еще и парный патруль. Все это безобразие прикрывала «дашка» на зенитной треноге, вольготно разместившаяся на полуразобранной крыше сарая. Во дворе одного из домов среди кустов просматривался ствол противотанкового орудия, смотревшего на дорогу. У отдельно стоящего сарая торчал часовой, охранявший наших пленных. Под его же охраной были и два трофейных «ГАЗ-АА». Водители, в поношенной военной форме без погон и русских сапогах, кривым стартером пытались их завести, а десятка полтора солдат с поджарым унтером во главе, построившись неподалеку, готовились к выезду.

Все патрули и часовые несли службу в касках и с пристегнутыми к винтовкам штыками. Униформа немцев отличалась от всех ранее мной виденных – зеленоватого оттенка, с коричневым воротником и манжетами с оранжевым кантом и нарукавной эмблемой. Покопавшись в памяти, понял, что здесь стоит одно из полицейских подразделений вермахта.

Местные жители занимались своими повседневными делами, абсолютно не обращая внимания на суету солдат. словно ничего и не происходило вокруг и у них на постое не стоят чужие солдаты. Только вездесущая детвора, несмотря на начавшийся мелкий дождик, с интересом рассматривала происходящее. На лугу мирно паслось небольшое стадо коров и десятков лошадей. Пахло свежескошенным сеном. С окончанием дождика детвора с корзинками в руках направилась в лес. Во главе их шли две пожилые женщины. Молодых девушек и женщин среди жителей деревни не наблюдалось.

С отъездом грузовиков несколько солдат под руководством тощего унтера в очках выгнали и построили у сарая пленных. По словам Сергея, там их должно было быть порядка десятка, а тут их было куда больше, в том числе и раненых. Мы насчитали больше тридцати человек. Видно, за прошедшие сутки еще натащали. Видок у них был еще тот. Грязные, мятые, немые. Не разберешь, кто, откуда и в каком звании. Стриженные все одинаково коротко. Часть без обуви, в одних намотанных на ноги портянках. Бинты у раненых от грязи и пыли были чуть посветлее гимнастерок. Тем не менее было видно, что люди окончательно не сломлены. Они помогали и поддерживали раненых. Когда принесли большой котел и стали раздавать пищу, не бросились толпой, а спокойно ждали своей очереди. Одно это о многом говорило. К работам пленных не привлекли. Не считать же таковыми вынос и уборку мусора в сарае, а также колку дров для кухни.

По моим подсчетам, на хуторе осталось не более двадцати солдат противника. Если не считать гражданских обоего пола. Для нас это был шанс быстро зачистить хутор и освободить пленных.

Распределив обязанности и цели, разделив отряд на три части, мы стали ждать подхода патрульных на ближайший к нам пост. Тихо и слаженно выстрелили винтовки, и на земле остались лежать четыре трупа. Еще несколько выстрелов из «светок», и навеки замолчали пулеметные гнезда, а снайперы продолжали из бесшумок гасить противника. Упал часовой у сарая, что послужило сигналом для остальных. В атаку на хутор сразу с трех сторон бросились пограницы и разведчики. Им требовалось преодолеть чуть более двухсот метров по полю до построек. Атака получилась неожиданной и настолько мощной, что сопротивление немцы оказали только в доме, где проживал унтер, и на посту у второго выезда с хутора. Остальных удалось перебить на улице и у дома, где они располагались. Если с постом удалось разобраться быстро, то с домом пришлось повозиться: из окон бил пулемет и несколько винтовок. И что самое поганое, подобраться к дому было сложно. С чердака коровника, что практически примыкал к дому унтера, заработал еще один ранее не обнаруженный нами пулеметчик. Откуда они только столько пулеметов набрали? Хорошо, что у сорокапятки никого не нашлось, а то бы она нас точно прижала. Площадка перед домом простреливалась и из коровника, и из дома, не давая нам двигаться дальше. Атака могла в любой момент захлебнуться, и так часть бойцов стала искать укрытия за заборами и в канавах. Если быстро с ними не разберемся, то все дело пойдет насмарку. В любой момент могут вернуться уехавшие. Их, конечно, встретят. Зря я там, что ли, пулеметчиков, саперов и снайперов оставил. Но все равно неприятно, когда тебя атакуют с двух сторон. Были бы минометы или хотя бы винтовочные гранаты, пулеметчиков можно было бы спокойно загасить. Но, увы, их нет. Раз так, то придется это делать ножками и ручками. А еще я сделал глупость, что не взял с собой никого из «штурмовиков». Они бы сейчас со своей выучкой ой как пригодились. Так что придется обходиться только теми, кто тут под боком есть, и в первую очередь собой. Нет чтобы как положено нормальному командиру наблюдать из тыла за атакой и руководить снайперами, понесла меня нелегкая в первые ряды. Придется рискнуть и взять на себя груз ответственности подавления пулемета на крыше. Прикинул маршрут как туда добраться. Пока ребята пытались отвлечь пулеметчиков на себя, бросился, как все нормальные герои, в обход через огороды, заборы и соседние дворы. Хорошо, что хоть никто оттуда не стрелял. Где перекатами, где бегом мне удалось пробраться в мертвую зону коровника. Дальше в дело пошли гранаты. Двух вполне хватило, чтобы заставить замолчать пулемет. Хорошо хоть, что бревно, падая сверху, не ударило меня. Я уж думал, конец, ан нет, поживем еще. Совсем рядом прошло, чуть-чуть не достало. Зачищать коровник времени уже не было. Сообразив, что к чему, немцы могли перераспределить свои силы и организовать мне торжественную встречу. А у меня только две гранаты и осталось. Ворвавшись через калитку во двор, нос к носу столкнулся с высоким и здоровым немцем с винтовкой в руках. Я успел выстрелить первым. Очередь практически располосовала фрица пополам. Падая, он все же выстрелил, но промахнулся. Пуля прошла рядом с моим лицом. Даже щеку ветерком обдуло, а он, настырный, вдобавок все пытался меня достать своей винтовкой. Хорошо, что мне на помощь подоспело несколько бойцов, успокоивших немца окончательно.

Из дома нас «поприветствовали» автоматной очередью. Пришлось искать укрытие. Для меня им стала стена дома. Оттуда удалось закинуть гранату в дверной проем, а затем ворваться внутрь. Если бы знать заранее, что там нас никто больше не ждет! То можно было бы дожидаться, когда остальные бойцы, подбравшись к окнам, закинут в них гранаты. Так ведь нет. Спешил, самому все хотелось сделать. Осколки моей гранаты ранили автоматчика. Укрывшись за большой бочкой, он выпустил короткую очередь в дверной проем. Присев, я «рыбкой» нырнул в дверной проем и, откатившись в сторону, короткой очередью отправил его на Дальние Дороги.

Но немец успел попасть в бойца, бежавшего следом за мной. А из дома все неслись и неслись пулеметные очереди и бухали винтовки. Хорошо хоть, пока не в нас...

Сколько же человек тут держит оборону? Трех по минимуму мы успокоили. В доме, похоже, еще столько же. Ладно, нечего отлеживаться. Там люди гибнут. У немца нашлось две «толкушки» «М-24». Вот ими и воспользуемся. Жаль, что мне спину никто не прикроет. Больше в дверь никто из бойцов так и не заскочил. Придется действовать в одиночку. Тем более что наши в кого-то попали, только пулемет и «винтарь» работают. Аккуратно приоткрыв дверь, катнул внутрь гранату, а следом еще одну. Дождавшись взрывов, влетел в комнату, паля из автомата во все стороны. Картина маслом, что называется, приплыли. Четверо немцев и двое гражданских лежало на полу комнаты. Осколки гранат достали всех защитников дома. Да вдобавок ко всему сдетонировало еще несколько приготовленных немцами. То-то мне показалось, что взрывов было больше и сильнее, чем надо. Даже дверь снесло с петель. Бой на улице затих сам собой.

Вскоре во дворе затопали ноги моих бойцов. Дав команду проверить хутор и собрать трофеи, стал осматривать захваченный дом. Здесь, кроме погибших, никого не было. Одна из комнат использовалась под оружейку. Прилично тут немцы затарились. Полусотни «мосинок», несколько «дегтярей», три «ППД», десяток «светок», порядка двадцати «ТТ» и «наганов». Да еще патроны и амуниция. Долго они тут могли бы оборону держать. Часть оружия была в не лучшем виде. Ну да нам в дело пойдет. Мое внимание привлек лежащий у окна в обнимку с «дегтярем» высокий, светловолосый, лет сорока немец со знаками вахмистра. Осколки гранаты вошли ему в спину и несколько попали в голову. Смерть его настигла, когда он поливал улицу из пулемета. Чем он меня привлек? Тем, что по сравнению с остальными был в полной полевой форме. На левом рукаве его мундира выше локтя был вышит оранжевый орел с черной свастикой в оранжевом венке, а на обшлагах была надета зеленая повязка с вышитой алюминиевой нитью надписью *Feldgendarmarie*. Аккуратно отобрав из его рук пулемет, перевернул на спину. Мундир вахмистра украшали лента Креста за военные заслуги, штурмовой знак и знак за ранения. Оба покрытые серебряной краской. Заслуженный мужик, однако. Ну да мы его к себе не приглашали. Из оставшихся трех трупов немцев еще двое имели аналогичные знаки и нашивки. Им они не пригодятся, а вот нам вполне подойдут. Надо бы только найти у них алюминиевый нагрудный знак с орлом и надписью *Feldgendarmarie* на стилизованной темно-серой ленте. Тогда вообще был бы класс. В таком виде на любой дороге мы были бы короли.

Гражданские явно местные жители. Оба погибли заслуженно. Один, сидя у открытого патронного ящика, набивал диски к пулемету, второй лежал у окна с зажатой в руках винтовкой.

Зачистка хутора шла полным ходом. Бойцы, перемещаясь парами, досматривали трупы и собирали оружие. Все гражданские, чтобы не мешать, были выгнаны на улицу и ждали своей участи. Надо было видеть их недовольные и злые лица. Особенно когда увидели мою энкавэдэшную и пограничные фуражки бойцов.

Выпускать пленных из сарая я запретил. Пусть еще посидят. Мы закончим и тогда ими займемся. Подозвав Петрищева, потребовал отчет. Хутор дался нам тяжело – три «двухсотых» и пять «трехсотых». Хорошо еще, что ранения легкие и народ остался на своих ногах. Все погибшие из разведбата.

Сергей доложил о найденных трофеях. Кроме виденного в доме, нам досталось еще два «Максима», два «дегтяря», «дашка», два десятка маузеровских карабинов, несколько немецких противотанковых ружей, два автомата, пять пистолетов и два 50-мм миномета. Кроме того, в сарае, где было пулеметное гнездо, уничтоженное мной, нашлись три наших 82-мм миномета с большим запасом мин. Мне очень повезло, что они не сдетонировали от взрыва гранат. Две сорокапятки. Одна в идеальном состоянии, именно ее мы видели на позиции. Вторая в хорошем состоянии, но без колес. Были найдены и десяток ящиков со снарядами к ним. Кроме всего

прочего, нам достались три мотоцикла с коляской и два без нее. Бочки и канистры с бензином, пять армейских повозок, немного продовольствия и новенькая полевая кухня «КП-41» с кучей бачков, прицепленных к ней. Армейские повозки были двух типов – две большие, с высокими бортами, на резиновом и поддрессованном ходу, где-то на тонну груза и три поменьше, килограмм на триста груза. Все они могли цепляться как к конной, так и механизированной тяге. Маленькие так вообще бойцы просто так руками толкать могли. К мотоциклу классно подходят, сразу по паре штук цеплять можно. К большим повозкам нашлись и першероны. Вот только боюсь, их эксплуатировать сложно будет. Они же не приучены траву и сено есть. Им только чистый фураж нужен.

Дав указание сержанту собрать с убитых немцев форму и не забыть про награды, документы и нашивки, повязки и знаки *Feldgendarmarie*, все трофеи готовить к отправке. По идее нам следовало бы действовать по принципу – ударил и бежать, но «хомяк» внутри меня кричал и просто требовал все трофеи забрать с собой. Была у меня мысль дожидаться и забрать с собой еще и грузовики. Скажете, глупая мысль? А вот и нет. Подразделение, что здесь было расположено, по идее не должно надолго разъезжаться. А раз так – то выезд был максимум на пару часов. Вот мы их и дождемся. Я думаю, к обеду они вернутся, а тут мы как раз их и встретим. Бойцов для уничтожения полутора десятков солдат врага из засады вполне хватит. Если прибудет более крупный отряд, то отступим в лес. Благо для повозок и орудий конная тяга имеется. На лугу пасется. Если не сильно нагнать и не вступать в бой с немцами, то через три – пять часов тихим ходом вполне спокойно можем добраться до лагеря. Это если идти всем кагалом, а ведь можно поступить и по-другому. Отправить обоз под охраной в лагерь, а остальным здесь встретить грузовики. Если все получится, то в лагерь мы можем прибыть все вместе. Так и поступим. Думается, часа полтора, чтобы все организовать, в моем распоряжении есть. Послав посыльного к снайперам и егерям с сообщением готовить засаду и прислать ко мне сержанта Дорохова, занялся пленными.

По моей команде их выпустили из сарая и построили. Вблизи они выглядели еще хуже, чем из леса. Грязные, многие с оторванными лапами или рукавами гимнастеров или вообще без них. Не воинство, а черт-те знает что. Лишь когда вынесли раненых, я понял, почему бойцы имели такой нетоварный вид. Материя пошла на перевязку ран. Немцы не побеспокоились о раненых. Вот в меру своих способностей и умений парни и ухаживали за ранеными. По словам бойцов, только за сутки у них от ран умерло двое. Пришлось отправить пару человек по домам искать медикаменты и бинты, военную одежду и продукты. Если не найдут бинтов, можно чистые постельные принадлежности под них пустить. А бывших пленных отправил к колодцу отмыться и приводить себя в порядок. Лучше бы им баньку организовать, ну да за неимением лишнего времени и колодезной водой обойдуся.

Самому опросить всех бывших пленных нереально. Даже если исключить на первых порах раненых, то все равно остается двадцать три человека, а это по минимуму три часа. Документов у бойцов как пить дать никаких нет. Так что придется верить их рассказам на слово и искать зацепки в их «сказках». А это не айс. Надо самому покопаться в доме вахмистра. Немцы – народ в вопросах ведения документации педантичный. Конечно, здесь не концлагерь, а сборный пункт и пересылка. Но все равно, хоть какой, но учет задержанных и трофеев должен быть. Просто обязан быть общий список военнопленных с отметками, где и как задержан, куда и кому передан, да и другую информацию отражать. Например, о поведении в плену. Да и «наседок» можно вычислить. Их в списках не будет.

Вызвав Петрищева, попросил отобрать из пограничников трех-четырех человек для изучения бывших пленных и не забывать контролировать поведение освобожденных и поляков. Кроме того, пригласить всех бывших в плену командиров и нескольких бойцов. Того, что был на вокзале с Акимовым, а также бортстрелка и красноармейцев, что шли с Савушкиным и

Смирновым. Они о своих бойцах хорошо отзывались. Вот и поговорю с бойцами, заодно и рассказы командиров проверю.

Пока сержант отбирал народ, я вновь прошелся по дому. Оружие и трупы уже вынесли. На месте остались лишь ранцы и какие-то ящики с бумагами. Все найденные документы были сложены на столе. Чтобы качественно с ними поработать, требовалось время, но требуемые мне списки нашлись быстро. Отложив все остальное в сторону, занялся ими. С трудом, но удалось в них разобраться. Были в них и летчики, и Сергей Акимов, и их бойцы. Вот что мне нравится в немцах, так это их подход к делу. Положено иметь журналы, чистую бумагу и письменные принадлежности – обязательно их найдешь и в нужном количестве. Не то что у нас – порой требуемую бумагу днем с огнем не отыщешь.

Пограничники пришли вместе с бойцом Акимова. Следом за ними прибыли и саперы. Проведя инструктаж, раздав чистые листы и карандаши, отправил их заниматься опросом бывших пленных. Объяснив саперам, что я от них хочу, отправил заниматься делом по специальности.

В разбитое окно было видно, что бывшие пленные, раздевшись почти донага, плещутся у бочки во дворе дома. Греть воду было некогда, так что пока холодной водой хоть грязь с себя смойт. Кое-кто из бойцов уже примерял немецкие сапоги и нашу форму, видно, найденную где-то в домах поляков. Несколько пограничников, расположившись по периметру, аккуратно наблюдали за освобожденными и до сих пор стоящими на коленях посреди улицы поляками. Старый поляк что-то пытался вытребовать у стоящего рядом пограничника. Что конкретно, слышно не было. Но не нужно быть оракулом, чтобы понять причину столь эмоционального поведения старика. На его глазах один из бойцов резал ножницами простыню и отдавал лоскуты ткани пожилому бойцу в накинута на голое тело шинели, бинтующему раненого. Ничего, перетерпят. Нам важнее, людей спасаем. Будем ухаживать – все компенсируем. Зачем людей лишний раз обижать и настраивать против нас? Деньги и у немцев, и у поляков набрали, так что не обидим, заплатим сколько надо.

Красноармеец 60-го железнодорожного полка НКВД Попов был рад своему освобождению из плена. Он полностью подтвердил рассказ Акимова о событиях прошедшей недели. Даже в мелочах их рассказы совпали. Рассказал и о поведении остальных пленных. Назвал и показал тех, кто вызывал у него подозрение или вел себя в плену неправильно – вел упаднические разговоры, расхваливал порядки немцев, ругал советскую власть. Как такому человеку не верить? Он, находясь в плену, выполнял свой долг, четко отслеживал потенциальных врагов советской власти. Хотя, по его словам, служил в линейном взводе. Ну да в лагере у Сергея уточним и кое-что еще проверим. Вызвав Петрищева, передал ему нового бойца во взвод.

Следом за Поповым бойцы пригласили заходить по одному комсостав. Он был представлен тройкой летунов и двумя пехотинцами. Причем все пятеро были ранеными. Кто с перебинтованными руками, кто с ногами, кто с фингалом под глазом.

Старшим по званию был летный старлей. Григорий Паршин проходил службу в 13-м скоростном бомбардировочном полку, что стоял на аэродроме Росси под Белостоком. С марта 1941 года в Росси начали строить ВПП с твердым покрытием, и полк был переброшен в лагерь на полевой аэродром близ села Борисовщина. Экипаж Паршина, как и еще шесть экипажей полка, встретил войну в Бобруйске, при перегонке новеньких «Пе-2» с завода в полк. Вернуться в полк они так и не смогли. С началом войны были зачислены в состав 13-й авиадивизии, где и воевали все эти дни. Вчера днем он вылетел с Бобруйского аэродрома на разведку. «Пешка» была сбита во время полета недалеко отсюда. Из горящего самолета спастись удалось только им со штурманом лейтенантом Серегиным. Бортстрелок погиб. Место для посадки выбрали неудачно. По приземлении их взяли в плен немецкие пехотинцы, стоявшие в перелеске на биваке. После чего пилотов передали жандармам, а те доставили сюда.

Это же подтвердил и штурман.

Рассказы летчиков меня взволновали. Впервые удалось найти факт реального изменения истории. В той, что я знал, 26 июня было последним днем, когда наша авиация действовала с Бобруйского аэродрома. В ночь на 27 июня его покинули штаб 13-й авиадивизии и летчики 160-го истребительного полка. Уже вечером 27 июня аэродром превратился в поле боя между частями нашего 47-го стрелкового корпуса и немцами. Из-за нерасторопности технических и наземных служб на аэродроме осталась куча самолетов, ставших трофеями немцев. А тут налицо такие изменения. Парни днем 27-го вылетели оттуда на разведку тылов противника. С аэродрома продолжала активно действовать наша бомбардировочная авиация. Над ним постоянно шли воздушные бои, его бомбили. Разговоры об эвакуации велись, но вопрос остро не стоял, враг еще был далеко от Березины.

А говорят, ничего изменить нельзя! Можно, только постараться надо! Так что с новыми силами продолжим менять...

Третий летчик, младший лейтенант Соловьев, был из 41-го истребительного полка 9-й авиадивизии. В полк прибыл за месяц до войны. Летал на «МиГ-3». Войну встретил на поле-вом аэродроме Себурчин вблизи Белостока. В первом же бою, погнавшись за «Юнкерсом», был сбит на немецкой стороне Буга. На земле от погони ему удалось скрыться в болотах. Кругом были немецкие части, ждавшие переправы на наш берег. Поэтому ему не удалось переправиться через Буг. Из болота выполз только через сутки, когда немцев стало меньше. Ища место для переправы, пошел вдоль берега реки на юг. Днем 24 июня встретился с тремя бежавшими из плена бойцами 119-го стрелкового полка: младшим сержантом Соболевым и красноармейцами Михайловым и Сазоновым. Решили вместе прорываться к нашим. Ночью 26-го удалось вплавь переправиться на наш берег. Скрываясь от немцев, шли краем дороги на восток. Голодали. Местное население отказывалось кормить. Вчера их, ослабевших от голода, захватили поляки. Избили, а затем сдали немецкому патрулю. Тот вечером привез сюда. О бойцах, вышедших вместе с ним, Николай отзывался хорошо.

Пехотные мамлеи были только из училища. Оба окончили Смоленское пехотное. По распределению были направлены в 62-е УР и вечером 21 июня прибыли в Брест. Ночью на попутке их доставили на место. В бой вступили в недоделанном доте у деревни Ставы. Оружия, кроме нескольких винтовок с десятком патронов, никакого не было. Связи с командованием тоже. О том, что немцы у них уже глубоко в тылу, узнали на следующий день, увидев колонны немцев, двигавшихся по дороге. До дота немцы не дошли. Просидев в доте еще день, решили уходить к своим. Шли по полям ржи на восток. Во всех населенных пунктах были немцы. Двигались только в темное время суток. Не спешили, считая, что наши скоро немцев назад погонят. Позавчера ночью из их группы трое потерялись. Ища пропавших бойцов, сами заблудились и влетели в засаду. Так оказались здесь, на хуторе. Вместе с ними попали в плен и трое их бойцов.

Верил ли я рассказам парней? Верил! Что мне еще оставалось делать? На войне всякое случается. Тем более что показания пехотинцев и Соловьева подтвердили отступавшие вместе с ними бойцы. Меня их показания пока устраивают. Придем в лагерь, пусть с ними Акимов более подробно занимается. Особист он или кто?! Так что первичную проверку в отношении комсостава можно было считать законченной. Среди вещей вахмистра нашлись их документы и рапорта о взятии в плен. Вот только возвращать удостоверения владельцам я не стал. Пусть пока походят рядовыми и докажут свою лояльность. О чем им и сообщил. Надо было видеть недовольные лица летунов. Смесь благородной ярости и злости. Особенно у летной молодежи. Старлей оказался умным, молчал и не возмущался. Пришлось разъяснять командирам политику партии и правительства в моем лице. Да, они сражались с врагом, получили ранения, но были в плену, утратили свое оружие и документы. А раз так, то и отношение к ним будет пока соответствующее, пока не докажут своей преданности Родине. Осаженным такими доводами товарищам командирам пришлось соглашаться с моим решением.

Поинтересовавшись, кто из командиров умеет управлять мотоциклом, получил просто сногшибательный ответ – все. Летуны понятное дело – люди технически грамотные, а вот пехотинцы удивили. Оказывается, в училище они прошли техническую подготовку – изучали в том числе и вождение авто- и мототехники. А я все думал, где мне водил на мотоциклы найти. Бросать или уничтожать такие ценные трофеи не хотелось. Так что пришлось товарищам командирам временно переквалифицироваться в военных мотоциклистов. Жаль только, что немецким языком никто не владеет. Я с чистой совестью отдал им в пользование трофеи. Правда, членами экипажа сделал еще своих бойцов, на всякий случай...

Стоило мне слегка освободиться и выйти на улицу, как крик, поднятый поляками и вроде бы затихший, поднялся вновь. Особенно напирал давешний старик. Пришлось идти с ними беседовать. Дед требовал вернуть им «награбленное» бойцами, в том числе повозки и ГСМ. Бабы кричали о белье и продовольствии. И вообще они требовали! Долго, минуты три. Я терпеливо их выслушивал. Потом меня прорвало. Нет, я не стрелял и не бил. Мой взгляд зацепился за неубранные и раздетые трупы немцев и поляков. Вот я и приказал местным жителям похоронить погибших. Их немного, всего двадцать семь. По два на каждого жителя. Можно даже в одной могиле, но быстро, за час. В случае если не успеют, то будут приобщены к ним как пособники врага. Надо было видеть, как эти вроде бы «больные» и «немошные» мужчины и женщины бросились выполнять указание. Значительно опережая своих конвоиров. Благо кладбище было неподалеку. Своих погибших мы заберем с собой. Пусть и трудно это будет сделать, но вернее и правильнее. Не хотел я их здесь, на хуторе, хоронить.

Засаду на немцев решил устроить на въезде на хутор. Пока было время, саперы изготовили и установили из подручных средств на обоих выездах что-то похожее на шлагбаумы и блокпосты. Конечно, не произведение искусства, но главное – дорогу преграждает. Бойцы, переодевшись в немецкую форму, будут изображать стоящих на посту часовых. Ну а мы с Дороховым, как знающие немецкий язык, вполне за своих сойдем. Расчет строился на том, что, увидев шлагбаум, немцы обязательно остановятся в нескольких метрах от него. Тут в дело с двух сторон вступят снайперы и егеря. При необходимости им помогут пулеметчики. Главное было – особо не повредить машины. Именно для этого и требовалось их остановить.

Фильтр пленных продолжался. Ребята старались. Разведя по комнатам бывших пленных, они опрашивали и записывали показания. Хоть и не очень хорошо у них получалось, но главное – они делали дело. Сергей пятерку тех, на кого показывали бойцы и командиры, уже отделил и приставил к ним охрану. Сюда же были приведены и еще трое пытавшихся скрыться с хутора. Неужели думали, что мы настолько глупы, что не выставили охрану? Эти трое вообще отличались от остальных. Одеты были в военную форму со споротыми петлицами, гражданские пиджаки и кепки явно с чужого плеча. Но тратить сейчас на них время я не собирался. Надо было срочно отправлять колонну с трофеями в лагерь. Поведет ее Петрищев.

Повозки и мотоциклы, формируя колонну, вывели на улицу. Комсостав не подвел, с машинами освоился быстро. На мотоциклы с колясками установили трофейные «МГ», прицепили пушку и прицепы, набитые грузом до отказа. Что делать со вторым орудием, так и не решили.

Для повозок реквизировали лошадей с пастбища. По две на каждую повозку и еще две нагрузили выюками. Среди бойцов нашелся специалист, как это правильно сделать. Полякам оставили двух самых старых лошадей. Не звери же мы, им детей кормить надо. Ездовых искать не потребовалось. Почти все бойцы были деревенскими и с лошадьми справились без проблем. Эти ухари даже двух коров решили с собой увести.

– Раненых молоком поить, – был ответ на мой вопрос «зачем?». Но, честно говоря, я в это не сильно поверил. Почувствовалось мне, что это была своеобразная месть полякам. Ну да я не против. Раненых действительно надо на ноги ставить, а то у нас их количество все растет

в геометрической пропорции. Если немцы не захватили раненых, что оставались в лесу, то скоро отряд пополнится ими.

В повозки загрузили найденное продовольствие и боеприпасы. Сюда же на откидные борта разместили шестерых раненых. Еще по двое раненых сели на облучки. Остальные могут передвигаться на своих двоих. Дойдут. В крайнем случае им остальные помогут или будут меняться. Часть оружия и найденных вещей выдали на руки прошедшим проверку бойцам. Остальное паковалось для перевозки. Тяжелое вооружение и крупногабаритные трофеи останутся здесь до захвата грузовиков.

Времени до расчетного часа оставалось немного, но мы должны были уложиться. Ознакомившись с показаниями бывших пленных, решил им оружие пока не выдавать. То, что они рассказали, требовало дополнительной проверки. Пусть до лагеря доберутся, а там с ними более подробно переговорим и решим, что делать дальше.

С Сергеем уходили все бывшие пленные, раненые, мотоциклисты, обоз и задержанные. Его отряд должен будет имитировать наш уход в сторону Беловежской пуши, пуская возможное преследование по ложному следу.

К выходу колонны поляки выполнили мое указание и похоронили убитых. Мы их заперли в сарай, где раньше содержались пленные, чтобы не мешали, пока мы с остальными воевать будем. Посидят, подумают о смысле жизни. Дети вернутся из леса, выпустят из сарая. Не убивать же их на самом-то деле! Пусть пока поживут...

Премьера нашего спектакля случилась раньше, чем я предполагал. Актеры только начали переодеваться и занимать свои места.

Не успела скрыться в лесу колонна, как с противоположной стороны появились невольные зрители на велосипедах. Хорошо, снайперы успели сообразить, что к чему. И у нас появилось два неплохих велосипеда, пара катушек с телефонным кабелем и телефоны. Жаль, что связистов допросить не успели. Слишком хорошо ребята стреляют.

Это все, конечно, хорошо, но звоночек для меня прозвенел. Если связисты прибыли сюда для проверки связи, то почему я нигде не видел телефона? Если для установления связи с командованием, то почему у связистов только несколько катушек провода? Или командование находится так близко, что для этого хватит несколько сот метров кабеля? Да и вообще, как жандармы связывались со своими шефами? Рации я не видел. Возможно, она установлена на одной из машин? То, что здесь стоял взвод полевой жандармерии, я разобрал, когда искал себе мундир по размеру и изучал солдатские книжки. Но почему отсюда Акимова и остальных вели пехотинцы? Здесь мы уложили двадцать пять солдат. Еще двенадцать плюс два водителя выехали на грузовиках. Итого тридцать семь и водители. Насколько я помню, моторизованные батальоны полевой жандармерии, по три роты в каждом, приписывались к полевым армиям с тем, чтобы на пехотную дивизию приходилась команда (Trupp) из тридцати трех человек, на танковую или моторизованную дивизию – из сорока семи человек, а на часть военного округа – команда из тридцати двух человек. А тут итоговая цифра не сходится! Или мы их не видели, или тут стоял кто-то еще, кроме жандармов. Если судить по количеству собранного оружия, то, возможно, трофейщики. На мотоциклах, что здесь стояли, можно увести тринадцать человек. На чем тогда передвигались остальные жандармы? На грузовиках? Но тут были лишь наши трофейные, а они могли появиться у них только после 22 июня. Значит, где-то должен быть еще и их собственный транспорт или пара грузовиков или броневинов, или минимум пять – семь мотоциклов. Не могут моторизованные части быть без колес. Война только началась, не могли они всю свою технику в бою потерять. Да и не участвовали жандармы пока в боях. Одни вопросы и все без ответа. И спросить не у кого.

Следующих зрителей мы встречали более подготовленными. На «Опель-Блице» с опознавательными знаками люфтваффе приехали четверо молодцов. Тут сработали как по маслу. Даже старшего команды – унтера живым взяли. Мы стали богаче на грузовик, три винтовки и

пистолет. Допрос унтера показал, что они прибыли за пленными летчиками, членами экипажей и техническим персоналом авиации для доставки в люфтваг – лагерь для военнопленных люфтваффе. Сообщение об их задержании в штаб 2-го авиакорпуса поступило вчера. Унтер был так добр, что показал на карте известные ему объекты люфтваффе. Рассказал о командном составе, системе охраны и бодро отвечал на все вопросы. А что ему играть в молчанку – больно же...

Наш хуторок пользовался популярностью. Не успели мы как следует допросить унтера, как к нам снова попросились в гости. Два «Опель-Блица». Один из «Блицев» был ремонтным автомобилем и тянул на прицепе наш «ГАЗ-АА». Второй тянул с собой прицеп. Водители шлагбауму не удивились и восприняли его как естественный элемент окружающей среды. Живыми нам удалось взять двух водил. Правда, залили кабины кровью. Ну да отмоется. «Газон» и прицеп были загружены 76-мм снарядами. В грузовом «Блице» стояли двухсотлитровые бочки с топливом и автомобильные шины. По маркировке – наши.

По показаниям пленным выходило следующее. На хуторе квартировали сразу две команды: трофейщиков и взвода полевой полиции. Утром мы видели отъезд трофейщиков. Кроме тех, кого мы видели и захватили, у них есть еще одна группа солдат и грузовики. Водители на трофейных машинах из числа пленным, выразивших желание помочь вермахту. Одного из таких мы убили. Команда сейчас работает неподалеку. Собирает оружие и технику нашей разгромленной еще 22 июня артиллерийской колонны. Колонна состояла из десятка грузовых автомобилей, легковой машины и штабного автобуса. Грузовик и топливо как раз были оттуда. Большинство автомобилей в неисправном состоянии. Ремонтники пытаются часть из них восстановить. Все орудия должны быть доставлены на сборный пункт. К трем часам сюда приедут еще машины, которые как раз и будут буксировать орудия. Водилы должны были их дожидаться, и после обеда они все вместе повезут трофеи в Брест. Возвращаться назад будут уже к новому месту расположения команды – в поселок на два десятка километров восточнее. Нужно спешить вслед за фронтом. Они и так сильно задержались, собирая по окрестностям трофеи. Дальше этим будут заниматься местные комендатуры. На ночь для охраны разбитой колонны от растаскивания останется шесть человек. Они же будут охранять похоронную команду из двадцати пленным русских. Часть жандармов еще до восхода солнца уехала по своим делам. Кроме пяти мотоциклов, находившихся здесь, у них еще три мотоцикла с коляской и три автомашины – техпомощь, бензовоз и грузовик. Кроме того, где сейчас находится их команда, сборный пункт техники и вооружения в Бресте, некоторые немецкие части, водилы ничего не знали. За то, что сообщили, спасибо. Пленным мне были больше не нужны...

Вопросы, так мучавшие меня, наконец нашли свои ответы. Все стало на свои места. Хорошо, когда есть люди, готовые ответить на вопросы страждущему. Наибольшую опасность для нас представляют жандармы. Они где-то тут по округе катаются и могут появиться, подняв ненужный шум. А нам трофеи отсюда нужно вытащить. Помню, что фраера жадность сгубит, но хочется поиметь еще чуть-чуть. Хотя я до конца и не понял, что за пушки захватили немцы. По описанию очень похоже на 76-мм дивизионную пушку образца 1939 года. Проще сказать, Ф-22-УСВ. Немцам она так пришлась по душе, что они ее приняли на вооружение как 7,62 см F.K. 297(r). Так что оставлять им даже несколько орудий считаю полной глупостью. Они же их против нас и применяют. Если сами не сможем утащить, так взорвем их, к чертям собачьим.

Пленным не обманули. В указанное время действительно появились четыре грузовика с орудиями на прицепе. Три «газона» и очередной «Опель». Рядом с водителями сидело еще по одному солдату. Бой и захват автомашин прошли ожидаемо. Охрана сопротивления оказать не успела, и кладбище пополнилось еще одной общей могилой. Куда побросали и немцев, и остальных, предварительно сняв с них форму. Не обошлось и без ЧП. Водитель двигавшегося последним грузовика, получив свою пулю, умирая, нажал на педаль газа. Машина налетела на стоявшее перед ней орудие. Да так, что ни автомобиль, ни орудие восстановлению не под-

лежали. Пришлось бросить, сняв запасы и предварительно заминировав все вокруг для прощального фейерверка. В грузовиках оказались боеприпасы, небольшой запас военной формы, немного стрелкового вооружения. На этом сбор трофеев решили прекратить, а то точно влетим. На прощание мы сделали подарок местному населению. Часть немецкой формы, что по тем или иным причинам нам не могла пригодиться, оставили местным жителям. На тряпки. В домах. В подполье. Сюда же легли и совсем изношенные «мосинки» и револьверы.

Колонна уже выстраивалась, когда снова пришлось отвлекаться. Из леса вылетели два мотоциклиста. Хорошо, что снайперы оставались на позиции. Вот только пополнять свои запасы техники мы не стали. Забрав оружие, боеприпасы и форму, приведя аппараты в негодность, под аккомпанемент начавшегося дождя мы покинули хутор. Двигаться решили по дороге в открытую. Для этого водители и часть бойцов переоделись в немецкую форму, а остальные попрятались в кузовах или изображали пленных.

Глава 8

Новые встречи

Путь до лагеря не занял много времени. Хотя и двигались мы не торопясь. Машины были тяжелогруженными, с прицепами, да и водители малоопытные. По пути встретили колонны немецкой техники и пехоты, двигавшиеся в обратном направлении, но внимания на нас никто не обратил. На перекрестке к радиоцентру пристроились к колонне из бронетранспортера и пары грузовиков с солдатами, двигавшейся в сторону Бреста. Вскоре она от нас убежала. Естественно, догонять ее мы не стали. Повернув к себе в лес, остановились переодеться и перевести дух. Заодно отправить вперед разведку предупредить о себе. А дождь все лил...

В лагерь вошли триумфаторами. Нашему возвращению все были рады, а Ермаков, наверное, больше всех. В его распоряжении теперь была настоящая полевая кухня. Вместе с найденным помощником он лично ее отмыл, привел в рабочее состояние и к ночи обещал сварганить ужин – лапшу с мясом и чай.

Обоз Сергея добрался до лагеря практически вместе с нами, опередив всего на полчаса. И тоже благополучно. Правда, уклоняясь от нежелательных встреч, попереживать им пришлось прилично. Колонны немцев шли непрекращающимся потоком. Все были на пределе. Лишь к обеду удалось пробраться в более безопасный район. Акимов, не дожидаясь меня, занялся проверкой бывших пленных. Тем более что у Петрищева с собой были опросные листы.

Рады были и бывшие пленные, оказавшиеся среди своих. Рады были летные мамлеи тому, что их бортстрелок и бойцы, с кем они пробирались на хутор, оказались живы и на свободе.

Все это было хорошо, и даже отлично, но оставался нерешенным еще один вопрос – раненные в лесу. Теперь с наличием трофейной техники его можно было решить значительно быстрее. Вызвав экипаж Савушкина и красноармейцев, что попали вместе с ним в плен, еще раз опросил их. Прикинули маршрут движения. В принципе ничего особо сложного я не видел. Нужно было вернуться по дороге на хутор, проехать еще километров восемь, затем съехать в лес. От съезда с трассы по лесной дороге проехать еще метров триста. Дальше через лес пешком примерно с километр. Как добраться до лагеря по лесу от дороги, помнили и могли показать. Ну а раз так, то нечего откладывать в долгий ящик. Тем более что до конца светового дня времени еще много. Ехать решили на «Опеле» люфтваффе и двух мотоциклах. Документы на транспорт и перевозку пленных подлинные, форма имеется. Натянуть тент и переодеться в уже высохшую трофейную форму – плевое дело. Группа Савушкина поедет в своей форме. Они будут изображать пленных и поедут в кузове под охраной нескольких егерей и снайперов. Пограницы с Дороховым во главе изобразят жандармов на мотоциклах и будут нашей разведкой...

Вообще для меня было странным, что на дорогах не было жесткого контроля за движением транспорта и войсковых колонн врага. Ни тебе постов полевой полиции, ни просто проверки документов. Пристроились в хвост колонны снабжения на таких же «Блицах». На наше присоединение к колонне никто не отреагировал, словно так и надо. Ехали себе спокойно по дороге до нужного нам поворота и дышали свежим воздухом, тем более что дождь прибил пыль.

Карта, как всегда, была неправа. Пришлось еще несколько раз выезжать на трассу и искать съезды, двигаться по лесной дороге и высылать поисковые группы, вполголоса костеря штурмана и его экипаж, пока наконец не нашли нужного нам места. Отъехав от трассы вглубь леса, мы остановились на небольшом пятачке. Дождя тут словно и не было. Осмотревшись и выставив охранение, отправили группу Савушкина за ранеными. С ними пошли и егеря, вновь переодевшись в камуфляж. Вскоре из леса в сопровождении штурмана, опираясь на вырезан-

ные из дерева костыли и палки, пришло четверо раненых. Большинству из них требовалась срочная помощь, и не только медицинская. Худые, изможденные, с дрожащими пальцами и подгибающимися ногами, они тем не менее оставались бойцами. Видя наш «прикид», бойцы сначала шуганулись и явно были настроены вломить Смирнову за предательство. Пришлось их успокаивать, выдав коленце «соленых» словечек. Вроде пришли в себя. Михаил принес неутешительные новости. Из четырнадцати раненых в живых осталось только двенадцать. Двое скончались от ран. Все ходячие были здесь, остальные требовали переноски. Позавчера днем к группе присоединилось несколько скрывавшихся в лесу «восточников». Председатель колхоза, девушка-студентка, санитарка областной больницы и трое красноармейцев. Не дождавшись возвращения летчиков, сегодня днем гражданские и двое красноармейцев ушли на хутора искать продукты и до сих пор не вернулись.

Оставив несколько человек для охраны техники, мы на самодельных носилках принялись таскать раненых. Вообще-то это смотрелось сюрсом. Увешанные оружием люди в советской и немецкой форме сообща перетаскивали по лесу носилки, сделанные из тонких сосен, шинелей и накидок. Когда все раненые были размещены в грузовике, в глубине леса раздался винтовочный выстрел, а затем еще несколько. Стреляли из «мосинки». Колонна оцетинилась стволами, даже раненые подтянули к себе ближе свои костыли. Кто его знает, что там происходит и не прутся ли по дороге враги.

Перед тем как тронуться в обратный путь, нужно было посмотреть, что там происходит. На разведку отправились мы с егерями и снайперами. Бежать пришлось недолго. Всего-то метров двести, когда услышали голоса.

На небольшой полянке разворачивалась драма. Тут находился десяток человек. Шестеро одетых в штатское беспредельничали. Трое, разложив на земле женщину, насиловали ее. Еще двое рылись в нескольких холщовых мешках. Тут же лежала еще небольшая кучка кое-как сложенных вещмешков. Последний, с винтовкой в руках, больше наблюдал за сотоварищами, чем охранял двух гражданских – высокого мужчину и девушку, сидевших, прислонившись к дереву, со связанными сзади руками. Кроме охранника, оружие было еще у троих. У двух насильников, освободивших свои руки и прислонивших винтари к сосне, и «бугая», смотревшего мешки. Под кустом, чуть в стороне, лежали двое в красноармейском обмундировании. Помощь им уже не требовалась. Бандиты чувствовали себя уверенно, даже караул не выставили. Не считать же таковым «лоха» с винтовкой. В том, что это бандиты, я не сомневался. Не верю, что обычный среднестатистический человек способен на такое. Не верю в благородных преступников, с началом войны в один миг ставших правильными, как это любило в мое время показывать телевидение. Наоборот, эта шваль повылазила из всех щелей и стала с еще большим ожесточением заниматься преступным бизнесом. Что мы сейчас и видели, а раз так, то и нам пора отметить.

Жалеть я никого не собирался. Распределив цели, мы открыли огонь. Все шесть бандитов остались лежать на земле. Выдвинувшись на поляну, освободили пленных и проконтролировали бандитов. Один, тот, что был без оружия и досматривал мешки, оказался живучим. Пуля попала ему в шею по касательной. Правда, не такой он уж оказался безоружный. Этот «фраер» носил револьвер за спиной под пиджаком, засунув ствол за ремень, а нож – за голенище сапога. Невысокого роста, худощавый, коротко подстриженный, с глазами волка, готовый ко всему, он сидел напротив меня и пытался остановить кровь. Допрос был прост и жесток. Я не ошибся. Это действительно были преступники, привлеченные к работам на строительстве аэродрома в Каменце. С началом войны, вырвавшись на свободу, они занялись привычным делом. Грабили местное население и уничтожали одиночных красноармейцев и немцев. Один из напарников был местным и предложил пробраться в Брест. Ничего ценного он мне больше сообщить не мог, а раз так, то и разговор с ним был короткий.

Ни истерик, ни плача от женщин с момента их освобождения я не услышал. Обнявшись, они стояли в сторонке, пока мы зачищали поляну и собирали трофеи. Закусив губы, молчал и гражданский. Не знаю, что на них подействовало – наше неожиданное нападение, освобождение, форма, экспресс-допрос или смерть бандитов. Но они молча выполняли все, что мы говорили. Нагрузив освобожденных вещами убитых, подобрав трофейное оружие и боеприпасы, мы растворились в лесу. Если выстрелы слышали мы, то их мог услышать еще кто-то. Следовало срочно делать ноги. До машин долетели как на крыльях и сразу же завели технику. На выезде с дороги, подобрав егерей, прикрывавших отход, мы рванули в обратный путь.

Наступление ночи встречали дома, в лагере. Тут царило приподнятое настроение. Хотя слегка и приправленное горечью скорби о павших. Их похоронили, как положено, даже салют был, хоть и всухую.

Гражданские были зачислены в санчасть, ухаживать за ранеными. Разговор с ними мы отложили до утра. Надо было дать людям отойти от случившегося.

Уже в темноте состоялось заседание военного трибунала. Его состав слегка изменился. В него вошел старший лейтенант Паршин. Акимов не зря ел свой хлеб. Во время моего отсутствия он организовал дополнительную проверку прибывшего личного состава. К восьми задержанным на хуторе добавилось еще двое. Суду пришлось рассматривать их дела. Сергей зачитывал показания и обвинение, а уж мы принимали решение.

С первыми пятью вопрос был решен сразу. Согласно показаниям остальных бывших пленных, они вели антисоветскую пропаганду и агитацию. То есть нарушили ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР в редакции от 8 июня 1934 года:

58-1. Определение контрреволюционной деятельности.

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и... правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.»

58-1б. Измена Родине со стороны военного персонала: расстрел с конфискацией имущества.

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2—58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении: наказание аналогично статье 58-2».

Следующие пятеро шли уже по ст. 193.14 УК РСФСР в редакции от 05.03.1926: «Самовольное оставление поля сражения во время боя или преднамеренная, не вызывавшаяся боевой обстановкой сдача в плен или отказ во время боя действовать оружием».

Среди бывших военнопленных нашлось несколько однополчан, они-то и рассказали, как эти сдались в плен. Вина обвиняемых была доказана. Смягчающих обстоятельств во всех случаях найдено не было. Так что решение суда для всех было однозначным: применение высшей меры социальной защиты.

Приговор был тут же приведен в исполнение.

К этому времени в лагерь вернулись смены разведчиков и наблюдателей от радиопункта. По их сообщению, около полудня на хутор в сопровождении нескольких единиц бронетехники и мотоциклистов прибыл легковой автомобиль, из которого вышло несколько офи-

церов и гражданский. Один из прибывших бронетранспортеров сразу остановился на въезде, перегораживая дорогу с хутора. Его пулеметчики развернули свое оружие на лес, усиливая блокпост. Один из офицеров нес левую руку на перевязи. Встречать их выстроилось все население хутора, порядка сотни человек, и это не считая тех, кто нес дежурство. (Где же они все это время прятались? Неужели по сараям и домам теснились? Или мы что-то просмотрели?) Поздоровавшись и отдав приветствие строю, прибывшие зашли в офицерский дом. При этом у парней сложилось впечатление, что главным был именно гражданский, а офицеры просто сопровождали его. Личный состав был распущен и смешался с вновь прибывшими. Пробыв в доме несколько часов, один из офицеров и гражданский в сопровождении охраны покинули хутор. Раненый остался в доме. После отъезда колонны распорядок дня на радиоцентре не изменился.

Все интереснее и интереснее. Не их ли мы видели на дороге, когда возвращались от жандармов? По числу техники совпадает. Кто это мог быть такой «крутой», что его так усиленно охраняли? Что за начальство посетило лесной объект? На все эти вопросы ответ мог дать только язык. Только вот не всполошится ли народ на хуторе? Я бы тревогу на всю округу поднял, если бы у меня кто пропал. Так что без вариантов. Придется искать ответ на хуторе, когда мы его возьмем.

Глава 9

Дела и заботы

Этот день я решил провести в лагере, решая накопившиеся вопросы и контролируя процесс подготовки отряда к штурму радиоцентра и лесоповала. За час до общего подъема разведчики и егеря, решая задачи, нарезанные мной вечером, убежали по своим делам. Среди них была задача совместно с Поповым посетить поляков, участвовавших в убийстве наших военнопленных. Прощать я этого не собирался.

Порядок в лагере поддерживался на должном уровне. На часах больше никто не спал. Службу несли по Уставу. Словно и войны нет. Об этом говорили и выстроенные в тени деревьев под масксетями автомашины, мотоциклы, повозки и орудия и вышагивающие около них часовые и бойцы, отдыхающие в трофейных палатках.

Завтрак был вкусен и горяч. По сообщению старшины, заслуга в этом была нашего вчерашнего «найденыха» из числа гражданских. Вот и повод побеседовать с ним, а то ходит человек по лагерю, еду готовит, а кто он такой, я и не знаю. Серега вон с ним парой слов перекинулся, а я так и не удосужился.

Женщины вроде бы чувствуют себя более или менее хорошо. Еще по дороге к стоянке я предупредил своих парней не распространяться о случившемся. Мои парни даже обиделись.

– Всякое в жизни бывает. Мы могила, – сказал Метелкин. – Вы, товарищ лейтенант, не беспокойтесь. Все понимаем. Если что, то мы голову оторвем тому, кто их обидит или хоть слово скажет.

Женщина, что постарше, до войны работала санитаркой в больнице и быстро нашла себе работу по специальности в санчасти. Молодая от нее не отставала. Оставив общение с ними на потом, попросил Никитина позвать ко мне «председателя колхоза».

Вскоре передо мной стоял высокий, средних лет, поджарый, с проседью в коротко стриженных волосах, с кучей синяков на лице и руках, с явно военной выправкой мужчина. Кто-то дал ему вместо порванной рубашки гимнастерку, сидевшую на нем хорошо и правильно. Ни одной ненужной складочки под ремнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.